

Пре дис л о в и е

Этот сборник статей и материалов посвящен памяти выдающегося российского историка Александра Александровича Фурсенко. Его тематика определяется основными научными направлениями, разработкой которых занимался он сам. А. А. Фурсенко имеет репутацию одного из крупнейших отечественных американистов, что полностью соответствует действительности. Однако и историей собственной страны он занимался не меньше, чем историей США, и с неменьшим увлечением, особенно на начальной и завершающих стадиях своей научной карьеры. Помимо этого, труды А. А. Фурсенко внесли огромный вклад в историографию истории международных отношений нового и новейшего времени, и прежде всего истории русско/советско-американских отношений. Тематикой сборника определяется и состав авторского коллектива. Его основу составили коллеги и ученики А. А. Фурсенко, принимавшие участие в подготовке сборника статей, который был издан в его честь в 2000 г. Теперь состав авторов пополнился также представителями более молодого поколения историков, к которым переходит эстафета в изучении тех проблем, разработке которых посвятил свою жизнь А. А. Фурсенко. Как и пятнадцать лет назад, авторский коллектив имеет интернациональный характер, поскольку творческое наследие А. А. Фурсенко начиная с его первых крупных работ получило признание не только в отечественной, но и в мировой, и в первую очередь американской историографии.

Сборник открывается небольшим мемориальным разделом. Коллеги А. А. Фурсенко вспоминают здесь лишь о нескольких эпизодах его насыщенной событиями биографии. Но эти драгоценные крупинки памяти складываются в очень яркую и многоцветную картину жизни и деятельности их старого товарища, помогая понять и эпоху, в которой он жил, и личность этого неординарного человека. Основной объем сборника занимают три тематических раздела, в которых сгруппированы статьи российских американистов по различным проблемам истории США и статьи американских русистов по истории России. В третьем тематическом разделе собраны статьи по истории русско-американских отношений, написанные как отечественными, так и зарубежными историками. Особое место в сборнике занимает

статья нашего американского коллеги, посвященная проблемам социальной памяти. Далекая, казалось бы, от основной проблематики этого коллективного труда, она оказывается неожиданно актуальной, поскольку сам сборник служит хорошей иллюстрацией важности поднятых в этой статье проблем. Подобные сборники, издающиеся в честь ушедших из жизни коллег, сами по себе являются средством сохранения и трансляции социальной памяти и обретают благодаря этому важное общественное значение. Большой интерес представляют также впервые публикуемые здесь документы, принадлежащие перу А. А. Фурсенко. Это и личные письма, повествующие об обстоятельствах, при которых он впервые оказался в частном архиве семейства Рокфеллеров, и официальный отчет о пребывании в США двадцать лет спустя. Разные по жанру, эти документальные свидетельства позволяют нам еще глубже погрузиться в ту атмосферу, в которой жил и трудился А. А. Фурсенко. В приложении публикуются фотографии из личных архивов Н. Л. Фурсенко и В. В. Носкова.

Предлагаемый вниманию читателей сборник служит еще одним свидетельством той благодарной памяти, которую оставил о себе великий труженик и яркий во всех отношениях человек, Александр Александрович Фурсенко.

Preface

Alexander Alexandrovich Fursenko was a greatly admired colleague of all the contributors to this volume and many, many more, both within Russia and abroad. His interests were wide ranging, his energy prodigious, and his commitment to historical scholarship and its importance to understanding the contemporary world was as passionate as it was productive. For many of us from the “far abroad” who came to know him well over the years, he also mirrored our own interests in linking our different scholarly communities in collaboration, mutual respect, and friendship. Always welcoming, but always also tough minded, A.A. left a lasting mark on the Institute of History in St. Petersburg as well as Russian and American historiography. By bringing his colleagues and friends together once again in his memory, this volume is a fitting reflection of the admiration and appreciation all of us felt for his generous investments in our intellectual and even personal well-being.

Those who are not familiar with American historiography may not know that A.A.’s own scholarship as a Russian Americanist was also greatly admired in that often less than generous scholarly environment. As I have detailed elsewhere¹, the first major English language review of the work of Soviet Americanists in the *American Historical Review* described his early work as “superb”². In part this was because like other leading representatives of the “St. Petersburg School”, Alexander Alexandrovich was devoted to archival work and documentary sources. His contributions consequently carried great weight, even as his approach often differed from that of historians of America within the United States.

A.A. was also an influential historian, however, because his scholarship increasingly touched on matters of seminal importance to American historical understanding. A review of his book on oil trust and international politics (*Нефтяные тресты и мировая политика, 1880-е годы–1918 г.* М.–Л., 1965) admired his scholarly independence and urged all American scholars interested in the subject to read this impressive and substantial book³. This was also true of his later work

¹ Розенберг У.Г. А. А. Фурсенко и американская историография // Исторические записки. М., 2009. Вып. 12 (130). С. 11–24.

² *American Historical Review*, 74:4 (April 1969), 1239.

³ *American Historical Review*, 72:1 (October 1966), 129–30.

on the American revolution (regarded by one distinguished American historian as “one of the best books” among the dozens published at the time of the revolutionary bicentennial⁴); the 19th century “oil wars”, translated by Gregory Freeze (received as a “tour de force”⁵); and especially his masterful last major work on the Cuban missile crisis, published in English under the title “*One Hell of a Gamble*”: *Khrushchev, Castro, and Kennedy, 1958–1964*⁶.

Although co-authored with Timothy Naftali, who studied the crisis from the American side, the importance of this work came almost entirely from A.A.’s careful work on Khrushchev and the Soviet engagement, using previously unknown archival materials. Within a year of its publication, the book was recognized by its American readers as one of the most important volumes ever written in the extensive historiography of Cold War politics. Within a year it had received more than 30 reviews not only in scholarly journals, but also in mass circulation magazines and leading newspapers like *Business Week*, *Foreign Affairs*, *London Review of Books*, *New York Times*, *Philadelphia Inquirer*, *Washington Post*, *Wall Street Journal*, and *Los Angeles Times*. The prestigious *Wilson Quarterly* called it “a treasure trove of a book”⁷. The *New York Times* named it one of the country’s “notable books of the year for 1997”, an unusual recognition and honor⁸.

Why this was so tells us much about Alexander Alexandrovich’s qualities as a scholar. Before the publication of “*One Hell of a Gamble*”, American historians largely interpreted the Cuban missile crisis as the consequence of great power strategies, perceptions, ideologies, and collective leadership wills, well developed and collectively shared, and informed by extensive and reasonably reliable intelligence⁹. A.A.’s careful archival work undermined most if not all of these explanations. By carefully mustering his evidence and presenting his arguments in clear unvarnished prose, he managed to persuade general American readers and scholars alike how perilous and unstable the crisis actually was, and how American historians themselves had misunderstood some fundamental elements of Soviet-American relations.

In contrast to a commonly held view, for example, one of A.A.’s most interesting discoveries was that the status of Berlin actually had little to do with the Soviet move on Cuba. Far from being a carefully thought out part of a collective Soviet leadership’s great power strategy, as most American scholars assumed,

⁴ *Journal of American History*, 73:2 (September 1986), 465.

⁵ *American Historical Review*, 93:4 (October 1988), 1013.

⁶ The title was taken from President Kennedy’s famous retort to those advising him to use force to resolve the crisis.

⁷ *The Wilson Quarterly*, 21:3 (Summer 1997), 90. A distinguished scholar revising the book in the leading American journal on foreign policy regarded it as the “most comprehensive narrative of this perilous moment yet to appear in print”. *Foreign Affairs*, 70:4 (July/August 1997), 142.

⁸ *The New York Times*, December 7, 1997.

⁹ This view had been reinforced just as A.A. was completing his work in a new book by the leading American diplomatic historian John L. Gaddis, *We Now Know: Rethinking Cold War History* (Oxford, 1997).

the decision to send the missiles to Cuba was a rather impetuous one made essentially by Khrushchev alone, with only the full confidence and support of Rodion Malinovskii, his aggressive Minister of Defense. A.A. not only showed that Soviet intelligence on Cuba was rather dismal, especially that coming from the KGB, but that American intelligence was not much better. As a result, there was a real possibility that a tactical conflict might have rapidly escalated into something far worse than either the American or Soviet leaders initially imagined, especially since the Soviet commander in Cuba may well have had far greater authority of the use of his weapons than Kennedy and his advisors suspected. In other words, A.A.'s research showed that the Cuban Missile Crisis was "one hell of a gamble" not as Kennedy used the phrase in responding to his advisers' calls to invade Cuba and remove both Soviet presence and Castro regime by the strongest possible use of force, but in terms of the way the crisis itself spun out of control, leaving the world a hairs-breadth away from thermonuclear catastrophe.

Alexander Alexandrovich Fursenko is thus remembered by his many American colleagues as a Soviet-trained scholar whose work managed to show that however structural the underpinnings of historical development, whether understood in Marxist or other forms, there are critical moments in history when historical outcomes are largely if not totally contingent of the character of the personalities involved and the ways their wield their power. This is a sobering lesson indeed in today's highly unstable world. And as the contributions to this volume also testify, he is also remembered with fondness and appreciation for all of his efforts to bring two formerly different scholarly worlds together in a single, cooperative, and respectful community. Here, too, perhaps, his success is also a sobering reminder as we memorialize him here of how important such efforts continue to be for us all.

William G. Rosenberg

In memoriam

С. И. Потолов

Как молоды мы были

Время неумолимо. Незаметно уходят годы и даже век — XX, а с ними и дорогие сердцу и уму друзья и коллеги, с которыми прожил и проработал отнюдь не простые и легкие, но, в общем, плодотворные периоды жизни. Вот и наступающий 2015 г. для меня особый. В январе 1955 г., 60 лет тому назад, я впервые ступил на ленинградскую землю, приехав для работы в знаменитом Центральном государственном историческом архиве (ЦГИАЛ) по своей дипломной теме о формировании промышленного пролетариата в Донбассе второй половины XIX в. И так прикипел всей душой к этому великому городу с его славной и трагической судьбой, что поломал свои первоначальные планы, отказавшись от зарезервированной персонально для меня аспирантуры в киевском академическом Институте истории Украины в пользу ленинградской, успешно сдав в начале июля, сразу после окончания истфака Одесского университета, аспирантские экзамены в Ленинградском педагогическом институте, носившем прежде имя М. Н. Покровского. Через два года его неоправданно слили с ЛГПИ им. А. И. Герцена, и я, таким образом, уже там закончил аспирантуру.

Тогда же мне необычайно повезло, о чем я вспоминал в сборнике, посвященном памяти моего научного руководителя профессора М. П. Вяткина, по приглашению которого я окончательно связал свою судьбу со ставшим мне родным и фактически единственным местом работы — Ленинградским отделением Института истории АН СССР (ЛОИИ), нынешним С.-Петербургским институтом истории РАН. А благодарная память снова и снова возвращает в те уже очень далекие 1950–1960-е гг., когда начиналась моя научная биография, становление как историка России XIX — начала XX в. В ЛОИИ я был зачислен старшим научно-техническим сотрудником 1 сентября 1958 г., и запись об этом в моей трудовой книжке осталась практически единственной

(не считая 5 лет, 1967–1972, преподавательской работы по совместительству на кафедре истории СССР Герценовского института). Но связи с ЛОИИ у меня установились уже в аспирантские годы, когда я познакомился еще в Покровском институте с преподававшим там по совместительству Р.Ш. Ганелиным и аспирантами Б.В. Ананьичем и Т.М. Китаниной, не говоря уже о Михаиле Порфирьевиче Вяткине, который, заведя в ЛГПИ кафедрой истории СССР, в 1955 г. возглавил только что восстановленный после закрытия в начале 1953 г. ЛОИИ, старейший в стране и авторитетный в науке исследовательский исторический институт, куда раньше меня перешли работать вышеупомянутые мои друзья и коллеги. А я еще до работы в институте по предложению редколлегии подготовил одну из первых своих исследовательских статей о монополизации угольной промышленности Донбасса в конце XIX в. в 1-м томе Трудов ЛОИИ «Из истории империализма в России» (М.–Л., 1959).

Тематика указанного сборника отразила начало большой публикаторской и исследовательской работы, развернутой с конца 1950-х гг. в Отделении истории АН СССР в рамках Проблемного совета по истории Великой Октябрьской социалистической революции 1917 г. во главе с академиком И.И. Минцем вновь организованной секцией по изучению исторических предпосылок революционного процесса в России начала XX в., революций 1905–1907 и 1917 гг. Возглавил эту работу в Москве тогдашний директор Института истории профессор А.Л. Сидоров, а в ЛОИИ — М.П. Вяткин. Был составлен грандиозный план подготовки и публикации документальных сборников новых, выявленных архивных материалов по социально-экономической и политической истории России в XX в., в частности многотомной публикации материалов по истории революции 1905–1907 гг. — к ее 50-летию, и проведения больших всесоюзных и региональных конференций по истории экономики и общественного движения (рабочего, крестьянского, либерально-демократического).

В эту работу и был с самого начала включен я, и для меня, как и других ее участников, это была замечательная школа, которая так пригодились в последние годы. Трудность заключалась в том, что необходимо было привлечь к этой работе как опытных историков старшего поколения, многие из которых в той или иной мере пострадали от сталинских репрессий, так и способную творческую молодежь, новую ее генерацию. Сразу же после зачисления в штат ЛОИИ я как раз и был привлечен к начавшейся работе по подготовке сборника документов по истории монополизации нефтяной промышленности России. Одновременно готовились капитальные публикации и исследования по истории металлургической промышленности, аграрным проблемам.

Нефтяной промышленности не случайно отводилась особая роль, поскольку она в своем бурном развитии на рубеже XIX–XX вв. вывела Россию в число ведущих индустриальных стран мира. Во время работы над нефтяными сборниками и произошло мое знакомство с Александром Александровичем Фурсенко, товарищеские и деловые отношения с которым сохранились

в последующие годы, как и благодарная о нем память. Александр Александрович к моменту нашего знакомства был уже, несмотря на свою молодость (31 год), вполне сложившимся ученым, успешно защитившим кандидатскую диссертацию и опубликовавшим на ее основе свою первую книгу (Борьба за раздел Китая и американская доктрина «открытых дверей». 1895–1900. М.–Л., 1956). В этом ему очень помогла жизненная и научная школа его университетских учителей — профессоров Н. П. Полетики и Б. А. Романова.

Нефтяной сборник готовился совместно с головным московским Институтом истории, который представлял ответственный редактор — опытный историк и обаятельный человек Михаил Яковлевич Гефтер, впоследствии видный общественный деятель и правозащитник. Ученик А. Л. Сидорова, он в 1953 г. успешно защитил кандидатскую диссертацию по истории монополий в топливной промышленности России. А. А. Фурсенко стал его заместителем, а архивной работой и археографической обработкой выявленных документов руководил Леонид Ефимович Шепелев, бывший в то время заместителем директора Центрального государственного исторического архива в Ленинграде. После предварительных обсуждений плана работы наступил самый ответственный этап — выявление документов. Стало ясно, что кроме основного массива документов в ЦГИАЛ и московских архивах необходимо было выявить материалы в местных архивохранилищах и библиотеках, главным образом в основных районах дореволюционной нефтедобычи на Кавказе: Бакинском и Грозненском.

И вот уже через месяц после моего прихода в ЛОИИ мы вместе с Александром Александровичем вылетели в Баку. Дорога неожиданно оказалась непростой. Наш самолет совершил по дороге кратковременную посадку в Москве. Дело было вечером, погода была, что называется, нелетной, густой туман, да и на Кавказе — сильные ветра. Короче говоря, нам, пассажирам, объявили, что вылет откладывается до 8 часов следующего утра. Ночью мы должны были без вещей покинуть самолет и ожидать утренней посадки. Мы с А. А. обсудили неожиданную ситуацию и решили отправиться на ночевку к московским родственникам. Договорились встретиться в 7 часов в аэропортовском кафе. Так и поступили. Встретившись утром и выпив по чашечке кофе, мы прошли к дежурной стойке узнать, объявлена ли наша посадка. Дежурная, заглянув в свои бумажки, совершенно спокойно сообщила, что наш самолет уже улетел. Можно себе представить нашу реакцию и возмущение: до 8 часов оставался еще час времени. Растерявшаяся дежурная стала звонить по начальству, и там ей ответили, что самолет еще на взлетной полосе. Александр Александрович взял трубку и на повышенных тонах объяснил нелепость ситуации. Последовала команда задержать вылет нашего самолета. Нас посадили в дежурную машину, и мы помчались к нашему злополучному самолету. Трапа, конечно, уже не было. Нам сбросили веревочную лестницу, по ней мы вскарабкались в пилотскую кабину и оттуда уже перешли в основной салон, сопровождаемые недовольными взглядами остальных пассажиров и крепкими выражениями в наш адрес.

К счастью, это оказалось единственной трудностью в нашей дальнейшей работе. Приняли нас в Баку очень сердечно, переговоры в архивном управлении, возглавляемом опытным архивистом М. И. Найдемом, привели к полной договоренности о работе над архивными фондами крупнейших нефтяных фирм и организаций (съездами бакинских нефтепромышленников и др.), местной периодикой. Всю эту работу возглавил молодой и амбициозный (в хорошем смысле) историк, специалист по истории рабочего класса Алиовсат Наджафович Гулиев, который еще недавно (май 1952 — январь 1958) возглавлял Институт истории Азербайджанской АН. Ему помогал опытный историк Иосиф Васильевич Стригунов. Нас же все эти дни в Баку опекал прикрепленный к нам молодой симпатичный историк Руфат Садых-Заде, происходивший из интеллигентной профессорской семьи, с которым и в дальнейшем у нас сохранились теплые дружеские отношения.

Мы сразу договорились, что кроме непосредственно нефтепромышленных проблем в сборнике будет представлен и материал по рабочему движению, который должен был отобразить и откомментировать сам Гулиев. Его хотелось бы помянуть добрым словом. Гулиев происходил из простой крестьянской семьи и когда приехал на учебу в Баку, даже не владел русским языком. Но упорный труд, особенно при подготовке 3-томной «Истории Азербайджана», когда он был во главе академического Института истории, превратил его в крупного ученого. Снова возглавив в 1965 г. Институт истории, он был избран членом-корреспондентом Академии наук АзССР. К сожалению, он умер от тяжелой болезни сердца в 1969 г. совсем молодым, в 47 лет. А мы с Александром Александровичем его очень ждали во главе азербайджанской делегации историков на Пятом Международном конгрессе по экономической истории 1970 г. в Ленинграде, но... увы!..

О Гулиеве и его большой семье, очаровательных малолетних детях (бережно храню свои многочисленные любительские их фотографии) у меня сохраниются самые теплые воспоминания, относящиеся к моему второму приезду в Баку летом 1959 г. для работы над выявленными материалами, когда я месяц провел у Гулиева на его даче в повседневном общении с его дружной, хотя и простой семьей (по происхождению — из его родного села Гызылаладжи Сальянского района Азербайджана).

За кратковременное пребывание в 1958 г. в Баку нам с помощью Руфата удалось познакомиться с городом, прекрасным в своем сочетании старых кварталов с узкими улочками, древней архитектурой и современными постройками, особенно вдоль морской бухты. Свободного времени было немного, но мы старались его использовать по максимуму. Вспоминаются забавные бытовые сценки. В Баку нас вначале поселили в большом гостиничном номере, где кроме нас было еще несколько человек. И среди них веселый балагур Гриша, кинооператор у мэтра грузинского кино М. Э. Чиаурели, создателя многих фильмов об И. В. Сталине и мужа великой грузинской

актрисы Верико Анджапаридзе, отца не менее известной их дочери Софики Чаиурели. От Гриши мы слышали много анекдотических историй, в том числе весьма скабрёзных, из мира грузинского кино.

В те времена трудного повседневного быта нас на питание прикрепили к местной цеховской столовой с хорошим буфетом, расположенной недалеко от республиканского архива. А Александр Александрович во все времена, как известно, был любителем хорошо поесть. Мало того, по состоянию здоровья ему было рекомендовано дробное и частое «перекусывание». И там он активно пользовался упомянутым буфетом, где можно было съесть вкусную сметану с выпечными булочками. Одному ему было скучно это делать, и он захватывал с собой за компанию меня. Александру Александровичу это обходилось вполне безболезненно, он, как и был, оставался подтянутым, а я от этого хождения прибавил к концу нашего пребывания в Баку лишних 5 килограммов веса, о чем он впоследствии частенько вспоминал, потешаясь надо мной. Вместе с А. А. мы побывали дома у моих бакинских родственников, родителей жены моего московского двоюродного брата, у которого как раз в это время гостил их внук, мой племянник Володя Львовский. Глава семьи, известный ученый, специалист по античной истории, сотрудник того же Института истории, интеллигентнейший и очень приятный человек, рассказал много интересного о местных древностях.

Время пролетело быстро, мы ознакомились со всеми имеющимися в архиве материалами для сборника, договорились о дальнейшей работе и распрощались с гостеприимным Баку и его обитателями. Во время второй части командировки мы с Александром Александровичем разделились: он уехал на неделю в Тбилиси знакомиться с тамошними архивами по нашей теме, учитывая, что дореволюционный Тифлис был центром наместничества России на Кавказе и там тоже хранились управленческие документы по нефтяной промышленности. Я же отправился в Грозный, другой центр российской нефтянки. Память сохранила его прежний облик уютного зеленого города, дореволюционного казачьего форпоста. Открытие поблизости нефтяных месторождений преобразило его, превратив в значительный промышленный центр. В местном архиве сохранились документы, раскрывающие начало здесь нефтедобычи, роль иностранного капитала, деятельность крупных фирм. В работе мне помогали преподаватели местного пединститута (сейчас — университета) Л. Н. Колосов и В. П. Крикунов, с которыми на долгое время сохранились дружеские отношения. Леонид Николаевич Колосов позднее защитил у нас в ЛОИИ докторскую диссертацию. Выявленные документы, которых было, естественно, гораздо меньше, чем в Баку, были в дальнейшем скопированы и использованы в нашем сборнике и других публикациях. Сейчас они хранятся в РГИА, составляя небольшую, уцелевшую таким образом часть от грозненского архива, погибшего в годы трагической чеченской войны в 1990-е гг. Часть этих документов была использована в моей большой статье в 4-м томе Трудов ЛОИИ (М.–Л., 1962) «Начало монополи-

зации грозненской нефтяной промышленности (1893–1903 гг.)). Один из отписков статьи я среди других подарил Виктору Ивановичу Рутенбургу, с которым у нас сложились добрые, уважительные отношения. Она ему понравилась и по содержанию, и по авторской манере. «Лихо написано», — сказал он мне при встрече.

Последующие 1959 и 1960 гг. ушли на подготовку нашего сборника. Огромная работа велась в ЦГИА. Там, в читальном зале старого здания Сената и Синода на Сенатской площади (тогда еще Декабристов), под руководством Л. Е. Шепелева работала бригада сотрудников ЛОИИ: мы с Александром Александровичем, Валерия Антониновна Нардова, Шурочка Титова, с трудом передвигавшаяся на костылях, Геннадий Леонтьевич Соболев (который вспоминал недавно об этих наших нефтяных бдениях во втором — 2007 г. — издании сборника памяти М. П. Вяткина). От Москвы в составительской работе участвовала Аида Михайловна Соловьева, которая готовила документы о нефтеносных землях и правительственной политике в этом вопросе. Работа велась не только с документами, мы занимались также их археографической обработкой и составлением комментариев. Меня, готовившего основные разделы о крупнейших монополистических объединениях и их политике на нефтяном рынке внутри России и за рубежом, иногда поругивали за слишком подробные тексты, но я не жалею потраченного на их составление труда.

М. Я. Гефтер по состоянию здоровья не мог часто бывать у нас в Питере, поэтому мы с А. А. неоднократно ездили в Москву, согласовывали с ним подготовленные разделы. Я в связи с этим несколько раз бывал у него дома, о чем мы недавно вспоминали с его сыном Валентином Михайловичем, прославившим мне изданный им с Г. О. Павловским (кстати, тоже выпускником истфака Одесского университета, правда, более поздних лет) очень ценный 3-томник материалов, который включал воспоминания и документальные фотографии Михаила Яковлевича. В 1959 г. я участвовал также в большой конференции по истории рабочего класса России, организованной сидоровской секцией Научного совета по истории революции 1917 г., где близко познакомился и подружился со многими своими московскими коллегами, ставшими на всю жизнь друзьями и соратниками в общих делах: Леонидом Михайловичем Ивановым, Юрием Ильичем Кирьяновым, Ириной Михайловной Пушкаревой, Натальей Анатольевной Ивановой, Константином Николаевичем Тарновским и многими другими.

В конце концов, работа над нефтяным сборником подошла к концу, и в 1961 г. из печати вышел увесистый (70 п. л.), большого формата том документов и материалов: «Монополистический капитал в нефтяной промышленности России. 1883–1914 гг.». За ним вскоре последовало продолжение за 1914–1917 гг., но в этом издании я уже не участвовал, вернувшись к своим «рабочим» делам и подготовив большую книгу «Рабочие Донбасса в XIX веке» (М.–Л., 1963), которую в январе 1964 г. защитил как кандидатскую

диссертацию. Для меня это была родная, я бы сказал, семейная тема. В шахтах Донбасса начинали трудовой путь мой дед Кузьма Терентьевич Потолов и отец, работавший горным инженером в Макеевке после окончания Одесского политехнического института в 1920-е гг. и в последние годы жизни (1956–1960). Можно представить, как больно мне слышать и видеть сегодня новую (после Великой Отечественной) войну, ее звериный оскал, разруху и многочисленные человеческие жертвы в тех городах, где я работал в архивах в 1956–1957 г.: Днепропетровске, Луганске (тогда Ворошиловограде), Донецке, Харькове.

Александр Александрович продолжил в дальнейшем нефтяную тематику, став крупнейшим и авторитетнейшим экспертом по международному нефтяному бизнесу, банковским и иностранным капиталам, автором и составителем нескольких книг и документальных публикаций. Подаренные им книги по этой тематике стоят на почетном месте в моей библиотеке. И для В. А. Нардовой ее нефтяные занятия, проблемы транспортировки и рынков нефтепродуктов в России стали темой кандидатской диссертации и изданных на ее основе монографии и статей. В нашем институте было подготовлено кроме нефтяных сборников также несколько томов других публикаций, в том числе о монополиях в металлургической промышленности, Особых совещаниях периода Первой мировой войны, банках и иностранном капитале в России, политике царского правительства. Определенным итогом этой работы была организованная в 1963 г. в Ленинграде Всесоюзная конференция по социально-экономическим проблемам России конца XIX — начала XX в., стимулировавшая дальнейшее развертывание исследовательской и публикаторской работы по этим сюжетам. В этом огромная заслуга тех, кто начинал и в дальнейшем развивал эту тематику.

И здесь особая роль принадлежит, конечно, Александру Александровичу Фурсенко. Кроме публикации индивидуальных исследований мирового класса он сыграл огромную роль как руководитель (с середины 1990-х гг.) российской исторической науки, организатор крупных международных проектов, конгрессов и конференций, закрепив высокий мировой статус отечественной историографии. Что касается нашего института, большое значение имела его активная поддержка таких важных мероприятий, как 5-й Конгресс по экономической истории (Ленинград, 1970 г.), международные colloquia и симпозиумы по кардинальным проблемам отечественной и мировой истории. Продолжение всех этих работ и проектов — лучшая дань памяти видного ученого и организатора науки, каким, несомненно, был академик Александр Александрович Фурсенко.

И. П. Медведев

Вспоминая Александра Александровича

Бок о бок с Александром Александровичем Фурсенко мне довелось трудиться многие годы и даже десятилетия в рамках отдела всеобщей истории нашего института. Скажу прямо: это было весьма непростое «сосуществование-сотрудничество». Казалось бы, что общего могло быть у византиниста и американиста! Очень уж разные ипостаси в профессиональном отношении: какая-то там Византия с точки зрения американиста, не скрывавшего своего некоторого равнодушия к такой «экзотической специальности», как византиноведение; эти пресловутые Соединенные Штаты, страна с историей «в двух измерениях» — с моей точки зрения. А я это эйзенштейновское определение даже как-то высказал Александру Александровичу, спросив его, полушутя-полусерьезно, не жалко ли ему «гробить» свою жизнь на изучение «этой страны», и получив соответствующую «оплеуху» за дерзость. «Заниматься Соединенными Штатами — это вам не Византией заниматься», — сказал А. А. в ответ на мое критическое замечание по поводу его доклада на одном из заседаний отдела. «Правильно, Александр Александрович, — ничтоже сумняшеся парировал я, — полностью с вами согласен: заниматься Византией — это вам не Соединенными Штатами заниматься» (у меня еще и сейчас в ушах звучит смех участников заседания). И таких «пикировок» с обеих сторон было сколько угодно.

И тем не менее, как это ни странно, в чисто человеческом плане налицо было наше взаимное уважение друг друга. Я, конечно, вполне отдавал себе отчет в значимости Александра Александровича как выдающегося ученого, как яркой и весьма амбициозной и в профессиональном, и в карьерном отношении личности; в конце концов, как весьма влиятельного человека, сделавшего много полезного для отечественной исторической (прежде всего академической) науки вообще и для нашего исторического института в частности. Ощущал пристальное внимание Александра Александровича

к собственной персоне и я. Иногда же это «внимание» превращалось в конкретные «акты помощи» в трудных для меня жизненных обстоятельствах, за что я всегда буду признателен Александру Александровичу. По мере своих скромных возможностей я также старался быть полезным ему. Например, когда мы в 1970 г. вместе трудились над подготовкой и проведением в Таврическом дворце Ленинграда Международного конгресса по экономической истории (А. А. был генеральным секретарем оргкомитета конгресса, а я его заместителем). Больше года мне понадобилось тогда на это занятие, о византиноведении практически пришлось забыть, и мне дороги слова Александра Александровича, начертанные собственноручно на подаренном мне экземпляре его монографии «Критическое десятилетие Америки»: «Дорогому Игорю Павловичу в знак дружеской симпатии и на память о наших совместных деяниях на Конгрессе экономической истории. 3/IX-74. А. Фурсенко».

Да, приходится еще раз с горечью констатировать: «Голоса друзей все тише и тише, годы не ждут». Мне особенно жаль, что не могу уже обратиться к Александру Александровичу за советом. А ведь он мне был бы весьма полезен именно сейчас, когда (неожиданно для меня самого) «американская тема» вдруг всплыла в моей профессиональной деятельности. Дело в том, что в последнее время мне приходится вплотную заниматься подготовкой к изданию неопубликованной переписки государственного канцлера графа Н. П. Румянцева (1754–1826), «американская тема» в судьбе которого, как оказывается, весьма ощутима¹. Для меня было как гром среди ясного неба узнать, что мой «герой» был ярко выраженным «американофилом», который во время беседы с первым посланником США в России Джоном Куинси Адамсом (19/I–1/II 1814 г.) заявил буквально следующее: «Мое сердце принадлежит Америке и, если бы не мой возраст и болезни, я непременно бы уехал в эту страну»².

Ничего себе?! Правда, в качестве одной из причин подобного умонастроения канцлера тот же Адамс приводит в своем дневнике слова Румянцева о том, что император вовсе перестал с ним общаться и что он (Румянцев) просил Александра I об отставке, а также что «против него действует мощное и неумолимое влияние Англии (мы бы сказали сейчас — лобби. — И. М.), как политическое, так и торговое, усугубляемое справедливым мнением, что он (Румянцев) является стойким и умелым противником морской тирании Англии». Адамс считал, что Румянцев натолкнется на злобную неприязнь и вражду, если захочет поселиться где-либо в Европе, и «лишь в Америке он мог бы надеяться найти убежище от преследований, которые будут наградой за его добродетели и службу своей стране»³.

¹ Первый том этого труда («Граф Румянцев и мир науки. По материалам неопубликованной переписки») уже находится в печати.

² Россия и США: становление отношений (1765–1815). М., 1980. С. 638. (Благодарю С. А. Исаева за подсказку.)

³ Там же. См. также: Пleshков В. Н. Российская наука и промышленность в «Дневниках» Джона Квинси Адамса. 1809–1814 // Русская наука в биографических очерках / Под ред.

Всем известно соучастие Н. П. Румянцева в организации «Российско-американской компании», акционером которой (наряду, кстати, с императором Александром I) он стал в 1802 г.⁴ и целью которой было освоение Северо-Западной Америки и островов в северной части Тихого океана (думаю, что всем сразу же приходит на ум мюзикл «Юнона и Авось», где фигурирует и канцлер Румянцев). И (раз уж я коснулся этого вопроса) приведу хотя бы один пример из переписки Н. П. Румянцева с его главным доверенным лицом по связям с миром науки академиком Ф. И. Кругом — пример, свидетельствующий о том, что и в самом конце своей жизни Румянцев продолжал следить за деятельностью компании. Так, в письме из Гомеля от 6 ноября 1822 г. он сообщает Кругу о том, что узнал из газет о прибытии в Петербург И. Ф. Крузенштерна (знаменитого мореплавателя, в судьбе которого Н. П. Румянцев также играл немалую роль⁵), в связи с чем просит передать тому, чтобы он «постарался добиться от Крамера⁶, а через него — от двух других директоров Американской компании, разрешить ему сделать краткое изложение всех переданных мне ими известий, которые эта Компания позволяет мне использовать для осуществления открытий вдоль побережья Северо-Западной Америки, и чтобы он опубликовал свое краткое изложение в каком-нибудь русском журнале, вставив в него слово искренней благодарности ученых в адрес Компании за благородное содействие, оказанное мне для обеспечения успеха моего начинания. Г-н Крузенштерн может обратиться к Крамеру с подобными ходатайствами от моего имени, а после того, как краткое изложение появится на русском языке, он сооблаговолит распорядиться перевести его на французский и сразу же переправить от моего имени президенту Географического общества в Париже и г-ну Бароу в Лондоне. Г-н Крузенштерн даст мне возможность испытать удовлетворение, если ему удастся оказать мне эту услугу»⁷.

Думаю, что Александр Александрович наверняка заинтересовался бы этим вопросом, а то и просто бы заставил заняться его изучением и изложением автора этих строк.

И. П. Медведева и Э. И. Колчинского. СПб., 2003. С. 325–340; *Его же*. Дж. К. Адамс в Петербурге // История Петербурга. 2005. № 6 (28). С. 55–59; *Его же*. Петербург в жизни и карьере Джона Квинси Адамса // Санкт-Петербург — Соединенные Штаты Америки. 200 лет российско-американских дипломатических отношений. СПб., 2009. С. 36–45. (*Прим. ред.*)

⁴ См.: Словарь американской истории с колониальных времен до Первой мировой войны / Под ред. А. А. Фурсенко. СПб., 1997. С. 516.

⁵ См. об этом: *Медведев И. П.* «Живой человек, а не памятник»: Несколько малоизвестных штрихов к биографии И. Ф. Крузенштерна // Петербургский исторический журнал. 2014. № 3. С. 18–23.

⁶ Имеется в виду Венедикт Венедиктович Крамер, один из директоров Главного правления РАК с 1807 по 1823 г.

⁷ ПФА РАН. Ф. 88. Оп. 2. Д. 115. Л. 145 (Оригинал — на французском языке).

А. К. Гаверилов

Академик Александр Александрович Фурсенко и Классическая гимназия¹

29 июня 2008 г., среди такой же, как всегда, напряженной деятельности во время очередной поездки в Москву на заседание Президиума РАН, ушел из жизни один из влиятельнейших друзей Санкт-Петербургской классической гимназии, председатель ее попечительского совета, историк-новист академик Александр Александрович Фурсенко (1927–2008). Не школьному журналу обсуждать его научные достижения, принадлежность к различным ученым обществам и в различных отношениях примечательную судьбу. Зато 610-я школа, она же — Первая классическая гимназия, может и должна помнить то, что сделано для нее Александром Александровичем в трудные годы ее становления и борьбы за место под солнцем.

После основания первых классов будущей классической гимназии в 1989 г. при знаменитой в Ленинграде 30-й математической школе и оставлении этой школы год спустя новому образованию пришлось испытать мытарства неприкаянного жителя при других школьных организациях. Правда, весной 1990 г. при поддержке А. А. Фурсенко, в то время бывшего заместителем председателя Президиума Ленинградского научного центра АН СССР, классам удалось получить собственный школьный номер и замечательное здание в Ковенском переулке, которое, однако, не могло устроить растущую школу, и она переместилась в помещение РОНО на Большом проспекте Петроградской стороны. В ту пору случалось, что иным родителям-активистам приходилось с утра браться за заточку, чтобы открыть комнаты для учащихся и учащихся (математик и родитель с заточкой, С. В. Бурячко, в те же судьбоносные месяцы стал — и до сих пор остается — директором Первой клас-

¹ Статья, заново отредактированная для этого сборника, впервые была опубликована в «Журнале друзей Санкт-Петербургской классической гимназии»: Абарис. № 9. 2008. С. 60 (с портретом А. А. Фурсенко)).

сической гимназии). С каждым днем становилось яснее, что без *своего* дома новой школе не выжить.

Над институционализацией школы потрудились многие члены преподавательского коллектива и друзья гимназии во главе с ее организаторами — историком Петербурга Л. Я. Лурье и историком античной науки Л. Я. Жмудем. При идейном участии А. И. Зайцева они воплотили в жизнь филологический проект, возвестителем которого в течение долгих советских десятилетий был Я. М. Боровский. Это были и античница Л. Ю. Меньшикова, и ее прежний коллега М. И. Башмаков из Комиссии Ленсовета по науке и образованию; родители двух тогдашних гимназистов: уже названный С. В. Бурячко и Н. Л. Корсакова. Нельзя не назвать здесь же увлеченных педагогикой лингвистов А. Ю. и М. В. Русаковых, к которым Александр Александрович был очень благорасположен. В городских властных структурах того оживленного времени энтузиастам помогли бывший тогда председателем Комиссии по культуре Петроградского райсовета, ныне директор Санкт-Петербургского института истории РАН Н. Н. Смирнов и его заместитель Е. Е. Молчанова, которые решили, что славный педагогическими традициями с начала XX в. район должен поддержать акт консервативного новаторства. Они обратились с этим к известному археологу и историку археологии Г. С. Лебедеву, входившему в аналогичную городскую комиссию, и нашли у него энергичную поддержку.

В итоге 19 января 1991 г. был достигнут успех: председатель Ленсовета А. А. Собчак, расположенный к идее новой школы, согласился на выделение новому учебному заведению здания на углу Малого проспекта (тогда еще проспект Щорса) и улицы Красного Курсанта. Одновременно было принято решение поддержать вальдорфскую школу, которая вскоре выехала из этого здания. Впрочем, событие, вытекающее из этих согласований, опять откладывалось — школа всё не получала ключей от своего здания. Летом 1991 г. А. Ю. Русаков и С. В. Бурячко опять пришли к Александру Александровичу за помощью, и он бросил на весы живой истории свой академический авторитет и обратился непосредственно к А. А. Собчаку с этим делом, ожидающим уже не решений на бумаге, а прямого действия. Вот каким образом к началу нового учебного 1991 г., через несколько дней после августовского путча, гимназия получила возможность отпраздновать новоселье. Как видим, в этом деле было много заинтересованных и упорных участников, но успех мог и не прийти без авторитета Академии наук и Александра Александровича, который не преминул поддержать людей культуры в их спасительно-смелом предприятии.

Событие это было отраднo и, как теперь понимают многие, весьма значительно, однако даже тогдашние участники вряд ли ожидали, что сторонние люди признают за открытием новой школы чуть ли не всемирно-историческое значение. Между тем не только «*Frankfurter Allgemeine Zeitung*», но и «*New York Times*» (номер от 2 сентября 1991 г.) не преминули отразить

факт обретения возобновленной, теперь уже петербургской, гимназией собственного «угла» в статьях, помещенных на видном месте. Более того, обе статьи были снабжены крупной фотографией гимназического Триумфа по поводу начала нового учебного года в собственном здании! Считать ли это причудой журналистики? Или примером того, как действуют личные связи? Как бы там ни было, здесь определенно сказался взгляд на солидное образование как на залог цивилизационного развития и культурного успеха.

Давно замечено, что почти все, кто долго и увлеченно исследует какую-нибудь страну или эпоху, вольно и невольно заражаются их ценностями, а иногда и пристрастиями. Вспоминая Александра Александровича, его коллеги по отделу всеобщей истории отмечали, что в этом крупном американисте нередко проступали черты американского характера — потребность в личной свободе, уважение к предприимчивости, напор в действии, наивная и святая вера в победу лучшего. Человек начальный и некоторым образом государственный, Александр Александрович не только сочувствовал появлению гимназии, но и позже не раз выступал на ее защиту. 21 июня 1995 г. он вместе с мэром А. А. Собчаком вручал во дворе гимназии аттестаты первым выпускникам, а впоследствии приходил на заседания гимназического фонда или на дискуссии по вопросам классического образования. О тех, кто от Античного кабинета, действующего при гимназии и опирающегося на ее выпускников, сумел справиться со старой академической задачей — изданием Альбома по северно-причерноморской эпиграфике (*CIRB-Album*, 2004 г.), Александр Александрович сложил такое слово: «Эти молодые люди способны вдохнуть жизнь в камни».

Классическую гимназию устроители понимали как соединение математики с историей и пристальное изучение иностранных языков, включая древние, которые позволяют заглянуть в иную цивилизацию, чтобы более емко и критично воспринимать свою. Александр Александрович трезво понимал, что дело в способности к движению, а не в мечтаниях о прорыве; что сила в новизне, а не в речах про инновации; в личных способностях и энергии, а не в знаках управляемости. В расположении Александра Александровича к классической школе сказались его уважение к традиции, к тому, что проверено веками. Шло это и от семьи, из которой он происходил: отец его был крупный ученый, палеонтолог и геолог, в свое время окончивший славную в анналах педагогического Петербурга гимназию Карла Мая. В поддержке школы, которая отвечала бы образовательным потребностям обновленной России, пожалуй, больше, чем где-нибудь, обнаружилась главная доблесть Александра Александровича: бережное отношение к культуре и деятельный оптимизм — установка столь же умная, сколь и благородная, ибо готова защищать хрупкое и ценное.

С. А. Исаев

Академик А. А. Фурсенко и Центр поиска и поддержки талантов «Интеллект» (1992–1996 гг.)

Александр Александрович Фурсенко постоянно думал о будущем российской науки и бизнеса. Подготовка кадров — молодого пополнения научной и бизнес-элиты — всегда была в поле его внимания. Санкт-Петербургская классическая гимназия — наиболее успешный и зримый результат этой его заботы. Но были и другие, менее успешные. Об одном из таких начинаний я хочу поделиться личными воспоминаниями¹. Весной 1992 г. Александр Александрович предложил мне поработать с одаренными школьниками в какой-то вновь создаваемой структуре и я согласился. Проект этот «продержался» четыре года, и на протяжении трех лет я в нем более или менее активно работал и наблюдал изнутри то, что происходило в нем и с ним.

В полдень 15 июня 1992 г. у входа в здание восточного и филологического факультетов Санкт-Петербургского университета я впервые встретился и познакомился с инициаторами создания Центра: супругами Тарантовыми — Любовью Борисовной и Юрием Анатольевичем². В ходе долгой беседы под деревьями уже на внутренней территории университета (куда сейчас посторонних не пускают) они объяснили мне свой замысел. Александр Александрович позже добавил к этому объяснению важные штрихи.

Проблема, которую призван был решить Центр, выглядела следующим образом. Среди оканчивающих школу было немало талантливых ребят, происходивших из семей небогатых: научных сотрудников, учителей, врачей, инженеров. А в вузах процветал блат. Им было сложно туда пробиться. Тогда

¹ Я не полагаюсь исключительно на свою память, а опираюсь на разнообразные записи, сделанные в те годы в процессе работы и отложившиеся в моем личном архиве.

² Ю. А. Тарантов, доктор физико-математических наук, работал тогда в Научно-исследовательском институте химии при СПбГУ.

как лучшие специалисты в вузах были заинтересованы, естественно, в одаренных студентах. Центр поиска и поддержки талантов «Интеллект» брал на себя функции посредника между выпускниками школ (и их родителями), с одной стороны, и людьми науки — с другой, с тем чтобы и вузу помочь обрести своего абитуриента, и выпускнику школы помочь попасть именно в самый для него подходящий вуз.

Алгоритм решения проблемы был предложен следующий. По каналам социальной рекламы родителям детей, поступавших в 1992 г. в 11-е классы школ Санкт-Петербурга, предлагали приводить их на бесплатное тестирование. Те, кто показывал высокий результат, затем приглашались на бесплатные занятия по выбранной ими специальности с преподавателями университета и сотрудниками различных институтов Академии наук. Кроме лекций планировались семинары с ученическими докладами, конференции, а также зимняя и летняя школы на базе университетского городка в Петергофе. В процессе такого общения преподаватели должны были присмотреться к своим воспитанникам и тем, на кого «положат глаз», облегчить процесс поступления (между собой мы это называли «белый блат»). Финансировали всё это совместно университет, газета «Невское время» и спонсоры из числа бизнесменов.

Думаю, что Александр Александрович видел в «Интеллекте» проект, аналогичный программе «Великого общества», которая связана с именем Линдона Джонсона. При всей разнице в масштабе обе программы были направлены на то, чтобы выявить и направить на обучение талантливую молодежь из небогатых семей.

Александр Александрович уговаривал ярких лекторов из числа ведущих ученых-гуманитариев почитать школьникам лекционные курсы или хотя бы прочесть отдельные лекции. Именно таким образом были привлечены к участию в проекте академик Александр Михайлович Панченко (1937–2002), Борис Валентинович Аверин, Сергей Акимович Кибальник и другие. Александр Александрович бывал на конференциях «Интеллекта», много и заинтересованно общался с выпускниками весной 1993 г., когда для них был устроен прием в редакции газеты «Невское время». Поскольку зимняя и летняя школы длились по неделе каждая, мне приходилось пропускать по два институтских присутствия. Я в таких случаях даже не отпрашивался, а просто извещал Александра Александровича, что участие в проекте, в который он меня направил, требует этой жертвы. И он меня без возражений отпускал.

Своего помещения у «Интеллекта» сначала не было. Первая лекция из числа запланированных состоялась вечером 26 сентября 1992 г. в здании бывших Бестужевских курсов, на географическом факультете (Васильевский остров, 10-я линия, д. 33, 66-я аудитория). Это была лекция академика А. М. Панченко. Посвящена она была эпохе Ивана Грозного, однако, как и следующие его лекции, содержала многочисленные «выходы» в современность. В ту осень академик был постоянно и крепко не в духе, и от него

доставалось по первое число как давно покойным деятелям, так и современникам. Патриарха Никона он обличал так, что человек с воображением мог бы принять академика Панченко за протопопа Аввакума. А в лекции «О русском самозванчестве» он приравнивал к самозванчеству любое использование любого псевдонима и исходя из этого принялся бранить всех Гайдаров, которые на самом деле Голиковы: и Аркадия, и Егора, и даже Тимура. Они оказались виноваты перед академиком, в частности, тем, что происходили из Арзамаса — «а это захолустье и, значит, самая что ни на есть кислая дрянь». Я, слушая его лекции, разумеется, обращал внимание на очень интересные наблюдения, относившиеся к русской культуре XVII–XIX вв.; но на школьников его эпатажные эскапады производили столь сильное впечатление, что они ничего, кроме них, не замечали. Питомцы «Интеллекта», как правило, задавали лекторам много вопросов, и по большей части хороших, свидетельствовавших о понимании. Однако академику Панченко воспитанники «Интеллекта» за всё время лекций, на каких мне довелось побывать, не задали ни одного вопроса: его выслушивали вежливо и провожали молча, отстраненно. В конце 1992/1993 учебного года среди «интеллектовцев» было проведено тестирование: чьи лекции им понравились больше. Безусловным фаворитом был у них Б. В. Аверин, я обретался где-то в середине списка, академику же Панченко выставили низшие баллы.

Почти все мероприятия, где «интеллектовцы» собирались все вместе, прошли на 1993 г.: 3–10 января — зимняя школа в университетском городке Петергофа, 13 мая — однодневная выпускная конференция в Менделеевском центре университета, а 30 июня — 7 июля — летняя школа в Петергофе. (Во время летней школы я по просьбе участников организовал поездку в Копорье с головокружительной прогулкой по стенам крепости.) Во время школ преподаватели общались со своими воспитанниками целыми днями. Как однажды выразилась Анна Алексеевна Карцова, преподаватель химии и педагог по призванию, «здесь, где я их окружила собой»... Конференции были основным форматом работы обеих «школ». И на конференциях этих не было разделения по специализациям: все слушали всех. Для преподавателей, интересовавшихся не только своей узкой специальностью, такое — пусть мимолетное — напоминание о старинном универсализме, с которым связано самое слово «университет», было и приятно, и полезно. От программистов мы тогда получили некоторое представление о том, что нам всем впоследствии предстояло освоить в связи с компьютеризацией. Математикам я смог задать накопившиеся у меня вопросы. Но лучше всего запомнилось, как обычно и бывает, не самое важное: томные девицы из групп, специализировавшихся по биологии. Они преспокойно сообщали о своих удачных генетических опытах: «Эту клетку мне удалось убить», а о неудачных — «к сожалению, опухоль не возникла». Главное же — все мы, участники программ «Интеллекта», на неделю оказывались в несколько искусственной, но очень уютной среде, где можно было немного отдохнуть от среды обычной и вдохновиться на новые свершения.

В том виде, в каком она была задумана, программа «Интеллекта» действовала всего год, а именно 1992/1993 учебный год. Летом 1993 г. состоялся новый набор, однако уже осенью стало заметно, что родители настроены не на многостороннее развитие своих чад, а на их натаскивание на строго определенный вуз. Информация о том, что питомцы «Интеллекта» практически все поступили куда хотели и вовсе не обязательно по той специальности, какой занимались в «Интеллекте», их не убеждала. Дефицит спонсорских денег вынудил отказаться от зимней и летней школ. Появилась и плата за обучение — сначала небольшая. Штатный психолог «Интеллекта» сказал мне тогда: «Раньше принимали лучших из тех, кто набирал высокие баллы в тестах, теперь — мало-мальски годных, лишь бы они готовы были платить». Правда, газета «Смена» 25 марта 1994 г. бодро сообщила: «“Петербургский центр поиска и поддержки талантов” обрел свое помещение» (на 3-й линии Васильевского острова, дом 46). Но мне по этому случаю сразу вспомнилось наблюдение великого мудрого Сирила Норткота Паркинсона: как только организация обзаводится постоянным помещением, она теряет эффективность и динамизм. (Паркинсон указывал, в частности, что Дворец Наций в Женеве был закончен строительством в 1937 г., как раз накануне роспуска Лиги Наций.)³ Конечно, гимназии или библиотеке постоянное помещение необходимо, но у «Интеллекта» не было ни своего книжного собрания, ни лабораторий: в «скитальческом» состоянии он работать вполне мог. Теперь же группы стремительно редели и закрывались одна за другой.

Весной 1994 г. Тарантовы пришли к выводу: «Нам предлагают для обучения не тех детей; мы должны подготовить их сами». В обретенном помещении решили открыть платную школу, состоящую из одного класса: 8-го в 1994/1995 и 9-го в 1995/1996 г. Предполагалось, что когда они доучатся до 11-го класса, то есть в 1997/98 г., к работе с ними подключатся преподаватели «временно» распущенных групп. В классе было всего восемь человек. Я в 1983–1986 гг. преподавал историю в сельской школе, и хотя этот эпизод жизни вызывал больше горьких воспоминаний, чем приятных, согласился поработать в школе при «Интеллекте». Поскольку в том классе изучалась история России, мы организовали для учеников поездки в Старую Ладугу и Новгород. Увы, вся эта затея показала, что мы в очередной раз спутали Россию с Америкой. В Америке, если уж человек заплатил за свое обучение, он, как правило, будет как следует учиться: знания нужны для дальнейшей карьеры, да и не пропадать же деньгам... В России же в такой ситуации почему-то возникает совсем другая мысль: «Я заплатил — и я еще буду напрягаться? Вы сделайте мне интересно!» Проверки успеваемости весной 1995 г. показали, что уровень знаний учеников платной школы при «Интеллекте» был не выше, а ниже, чем в обычной школе. На педсовете Л. Б. Тарантова сначала открытым текстом предложила «утопить всех в двойках», а затем повела

³ Памфлет «Новое здание, или Жизнь и смерть учреждений».

с каждым отдельно взятым учителем доверительный разговор о необходимости увлечь своим предметом. Не подозревая о том, она один в один повторила приемы школьных методистов советского времени. Для меня это стало окончательным сигналом, что проект безнадежен.

Александр Александрович регулярно выспрашивал меня о состоянии дел «Интеллекта», но рассказы мои никогда не комментировал, а лишь принимал к сведению. Как я теперь понимаю, он хотел посмотреть, что получится, но не делал на «Интеллект» единственную ставку. И на так называемом «рынке образовательных услуг», и в стране ситуация менялась стремительно; все набивали себе шишки и учились на своих и чужих ошибках. В ту воду, в какую мы вошли летом 1992 г., уже год спустя войти стало невозможно.

Видимо, поэтому Александр Александрович совершенно спокойно отреагировал на мое решение прекратить работу в школе со следующего учебного года — 1995/1996. В тот год историю там взялся преподавать Густав Александрович Богуславский (1924–2014). Я никогда не считал себя педагогом, а для Богуславского педагогика была первым делом. Я — специалист по новой истории Запада, он — по истории России. Но в школе мы с ним словно поменялись своими амплуа. Я преподавал историю России, он — новую историю. Мне рассказывали, что он прилагал неимоверные усилия, чтобы заинтересовать учеников историей, очаровать их уроками-лекциями и почти не ставил оценок, тогда как я, после того как понял, с кем имею дело, «заваливал» их заданиями и, бывало, ставил каждому по две-три оценки за урок. Но результаты у меня и у него были примерно одинаковые — плачевные. Летом 1996 г. в Санкт-Петербурге резко повысилась плата за аренду помещений. Борьбаться за сохранение такой школы никто не захотел, да, наверное, уже и не мог. И Тарантовы закрыли программу «Интеллект».

Единственному «звездному» выпуску «Интеллекта» в 2014 г. исполнился 21 год. Уже можно проследить если не судьбу, то карьеру некоторых выпускников. Я мало имел дела с теми, кто специализировался по естественным и точным наукам. Сведения, которые мне удалось собрать, относятся только к гуманитариям.

Васильев Арсений Владимирович в 2010 г. стал генеральным директором группы компаний «УНИСТО Петросталь».

Лушников Алан Валерьевич в июле 2006 г. стал заместителем руководителя Федерального агентства железнодорожного транспорта, затем был помощником министра транспорта РФ⁴ И.Е. Левитина, а сейчас (ноябрь 2014 г.) он — помощник вице-премьера А.В. Дворковича. В 2012 г. ему присвоено звание почетного железнодорожника. Мне трудно представить Алана в качестве большого начальника. Но я очень хорошо помню, как картинно он рассказывал на одном из занятий в «Интеллекте» о пирате Хайреддине

⁴ О роли А.В. Лушникова в реформировании системы управления железнодорожным транспортом см.: Гурьев А. Из тупика. История одной реформы. СПб., 2008. С. 629, 642–643, 720–724.

Барбароссе. А его цветастый шарф фантастической длины, вероятно, с улыбкой вспомнят и те «интеллектовцы», кто не помнит по имени самого Алана.

Марголин Григорий Михайлович несколько лет был пресс-секретарем администрации Выборгского района Санкт-Петербурга, сейчас он — начальник управления Избирательной комиссии Санкт-Петербурга.

Парфентьев Павел Александрович — генеральный директор Аналитического центра «Семейная политика. РФ», председатель Межрегиональной общественной организации «За права семьи», общественный эксперт в области фамилистических аспектов законодательства и семейной политики. Член оргкомитета Всемирной конференции по домашнему образованию — 2012 (она проходила в Германии). Советник Всемирного конгресса семей по международному праву, по правам человека и по российскому конституционному, гражданскому и семейному праву. Павел не учился в старших классах школы, а сдавал экзамены экстерном. Это обстоятельство, которому мы тогда не придавали большого значения, в его случае оказалось решающим для выбора жизненной стези. Все прочие приходили в «Интеллект» после занятий, утомившись от общения в своих классах; для Павла же «Интеллект» был едва ли не единственным местом общения, а энергия у него в ту пору и вовсе была через край, несколько даже подавляя и раздражая других. Специализировался он по религиоведению, при этом сам, пройдя через увлечение кришнаитством, в конце концов стал католиком восточного обряда; на Украине таких называют униатами⁵. В Римско-католической церкви процедура канонизации святых (беатификации) чрезвычайно сложна, и П. А. Парфентьев в этом процессе — человек не последний, а именно: «вице-постулатор процесса беатификации российских католических мучеников XX столетия». Он участвовал также в создании Толкиновского общества Санкт-Петербурга⁶.

Я замечаю, что борьба с попытками введения так называемой ювенальной юстиции, с юридическими новшествами, заимствованными главным образом из Скандинавии и разрушительными для традиционной семьи, в последние годы заметно повысила востребованность всего того, что делает сейчас П. А. Парфентьев⁷. 13 апреля 2013 г. он обсудил в прямом эфире проблемы российской семьи с протоиереем Димитрием Смирновым⁸, который отвечал тогда в РПЦ за работу с силовиками. Как почти любой православный, он не питает симпатий к униатам. И уж никак Димитрий Смирнов не привык выслушивать поучения от младших по возрасту и статусу. Однако ком-

⁵ Недавно он в соавторстве выпустил капитальное сочинение: *Козлов-Струтинский С. Г., Парфентьев П. А. История Католической церкви в России.* СПб., 2014.

⁶ См. его книгу: *Парфентьев П. А. Эхо благой вести: христианские мотивы в творчестве Дж. Р. Р. Толкина.* М., 2004.

⁷ См.: *Парфентьев П. А. Без школы: юридический путеводитель по семейному образованию и экстернату.* М., 2011.

⁸ См.: <http://www.dimitrysmirnov.ru/blog/cerkov-18733/>

петентность Парфентьева в юриспруденции в сочетании с его жестко консервативной христианской позицией заставила даже протоиерея Дмитрия Смирнова вести беседу с ним в тоне подчеркнуто мирном и заинтересованном; вероисповедные различия в той беседе не проявились вообще никак. Два дня спустя одна из слушательниц — Евгения Исакова, прочитав запись разговора, написала: «Спасибо за беседу, очень приятно видеть таких благообразных молодых людей. И где только отец Дмитрий их находит?»

Конечно, было бы упрощением однозначно ответить: в «Интеллекте». У этого начинания Александра Александровича Фурсенко не было продолжения. Но кое-какие плоды оно успело принести даже по результатам единственного года полноценной работы.

Р. Ш. Ганелин, Б. В. Ананьич

Один из лидеров американистов России об ее исторической судьбе После распада СССР

А. А. Фурсенко в 1994 г. был вице-президентом С.-Петербургского научного центра РАН, как обозначено в материалах состоявшегося тогда симпозиума в южно-африканском Центре российских исследований Кейптаунского университета. В тот момент сотрудничество между двумя научно-организационными структурами в разных частях света не сводилось к одному только официальному или даже официозному подходу к делу. Поэтому выступление А. А. в Кейптауне носило характер свободного изложения его взглядов по коренному вопросу российской и всемирной действительности тех лет с явными следами опыта многолетней исследовательской работы в области историографии США, мировой добычи и рынка нефти, а также общих вопросов экономической истории дореволюционной и советской России.

Тем не менее авторы настоящих строк рассматривают эту малоизвестную работу А. А. как явление, выпадающее из общего хронологически-тематического и жанрового строя его творчества, поскольку анализом текущих событий и явлений современности он до того почти не занимался и, как представляется, даже избегал его (самыми поздними хронологически предметами его занятий были Кубинский кризис и «Америка 70-х»). Впрочем, может быть, именно этим и определяется целесообразность рассмотрения доклада с представлением читателю возможности ознакомиться с ним. Доклад на Кейптаунском симпозиуме, озаглавленный «Мечты и действительность в современной России», начинался словами: «Нации склонны иметь мечты, свои собственные верования и вдохновенные ожидания лучшего будущего». «Наиболее известна, — продолжал А. А., — американская мечта о личном преуспевании в каждой сфере жизни — экономической, социальной, полити-

ческой и культурной. В американской народной культуре эта мечта связана с движением к обществу изобилия, прав человека и достижений личности».

«Какова же та национальная мечта, — ставил он вопрос, — которая существует в сегодняшней России, проходящей через тяжелые испытания глубокого социально-экономического и политического кризиса?» Ответ на этот вопрос, который он дает после некоторых о нем рассуждений, таков: «Русские сейчас видят свою национальную мечту скорее не в лучшем будущем, а в предотвращении дальнейшего ухудшения жизни». А рассуждения А. А. состояли в том, что «роль Горбачева в изменении курса истории невозможно переоценить», хотя «русские не умели по достоинству признать того, что он сделал для их общества». «Ему пришлось уйти в отставку с поста президента, оставив разрушенными Советский Союз и всю систему, созданную поколениями его предшественников», — отмечал А. А. Он считал в тот момент, что Ельцин «действовал более решительно». Имелось в виду намерение президента России осуществить ее переход «от традиционной коммунистической к современной западной модели развития». Но сопоставление двух президентов-реформаторов делалось все же в пользу первого из них. «Рассматривая их курс с точки зрения исторической перспективы, я думаю, — говорил А. А. о деятельности администрации Ельцина, — что ее члены в известном смысле продолжали, хотя и непоследовательно, политику Горбачева: Ельцин не предложил никакой новой мечты, а шаги на его пути отмечены многими ошибками, особенно в глазах русского народа»¹.

Вместе с тем на вопрос: «В какое время российской истории вы предпочли бы жить?» А. А. отвечал: «Сейчас» и пояснял: «Несмотря на все трудности, мы видим громадные перемены в политической жизни страны — отход от полицейского государства и тоталитарной власти с появлением ранее не существовавших свобод. Эти события так важны, что никто не может их игнорировать. Однако экономическая и политическая система России находится в связанном с переворотом беспорядке».

В этом, одном из ранних исследовательских очерков российских событий 1990-х гг. нельзя не отметить отсутствия поисков злонамеренных зарубежных сил, ссылок на «вашингтонский обком» и его влияние в Москве как причину наших трудностей. Между тем этот сюжет не только был развит впоследствии, но и часто появляется в современной печати, в том числе академической². Исследовательский профессионализм и разносторонняя глубокая осведомленность А. А. в побудительных мотивах политики США

¹ *Fursenko A. A. Dreams and Realities of Present-Day Russia // Russia in the Contemporary World. Proceedings of the First Symposium in South Africa Centre for Russian Studies, University of Cape Town. 17–19 August, 1994. Ed. by Apollon Davidson and Irina Filatova. Cape Town: Centre for Russian Studies, University of Cape Town, and the Marvol Foundation, 1995. P. 15.* Экземпляр кейптаунского доклада А. А. Фурсенко любезно предоставлен авторам академиком А. Б. Давидсоном.

² См.: *Дзарасов Р. С. Экономика «насаждения отсталости». К действительным причинам реформирования РАН // Вестник РАН. 2014. Т. 84. № 4. Апрель. С. 291–303.*

и ее приемах были с этим несовместимы. Они, наоборот, давали ему основания предлагать использование американского опыта для выработки пути развития новой России. «По моему мнению, — заявлял он, — чтобы добиться прогресса в избавлении от старой социалистической централизованной системы, России нужна своего рода современная форма регулирования и управления при полномасштабной рыночной экономике наподобие “Нового курса” или “Великого общества” в Америке». Американский опыт привлекал внимание А. А. не только своим содержанием, но и своей максимальной новизной. Если рузвельтовский «Новый курс» относился к 30-м гг., то продолжавший его план «Великого общества» Л. Джонсона, предусматривавший роль государства в развитии образования, медицины и транспорта, был провозглашен в середине 1960-х гг. и продолжен Р. Никсоном и Дж. Фордом в 1970-х. «Имею в виду нечто вроде советской “новой экономической политики”, — продолжал он, — испробованной в 1920-х гг., но сейчас, в конце XX в., реальное продвижение может быть достигнуто лишь с помощью сложных способов перестройки хозяйства и общества»³.

Он усматривал причины этого в «существовании крайне противоречивой ситуации, при которой значительное число пережитков старого режима сочетается с определенным общим направлением к модернизации». Вот как описывал он эту ситуацию на ее «человеческом уровне»: «Прежняя номенклатура в правительственных центральных и местных организациях, как и в различных хозяйственных структурах, государственных, полугосударственных и частных, была удачно интегрирована в новую систему, принявшую более либеральное управление. Она получила также новую силу, а это открыло путь для массовой коррупции»⁴.

Падение Берлинской стены в 1989 г. и последовавшие за этим перемены в Центральной и Восточной Европе представлялись А. А. драматическими, но в отличие от знаменитого Фукуямы он видел в этом конец не истории, а старого мирового порядка. Порядок этот был разрушен распадом Советского Союза. «Империя, создававшаяся веками, перестала существовать», — таков был один из вердиктов истории. «Политическое окружение России весьма нестабильно, — продолжал А. А. — В каком государстве мы живем? Оно называется “Содружеством Независимых Государств”. Россия только одно из них». Роль «Содружества» была для него «не совсем ясна», и «предсказывать, сколько оно просуществует», он не считал возможным. «Тенденции к распаду очень сильны, — подчеркивал А. А. — Тенденции к разъединению очень сильны, они существуют даже внутри Российской Федерации в различных ее регионах — Татарстане, Чечне, Якутии и т. д.»⁵. Как показало последовавшее двадцатилетие, это тревожное профессиональное предвидение оказалось оправданным.

³ Fursenko A. A. Dreams and Realities of Present-Day Russia. P. 19.

⁴ Ibid. P. 15.

⁵ Ibid. P. 16, 19.

«Развод» между Россией и тремя прибалтийскими республиками не был «дружественным», — констатировал А. А., подробно разбирая в качестве «примера» этого положение, сложившееся в Эстонии. 40 % населения Эстонии составляли русские, указывал он. Большинство их было сосредоточено в северо-восточной части страны, граничащей с Россией, и не хотело покинуть независимую Эстонию с ее более высоким жизненным уровнем. Поэтому многие русские в Эстонии, как и в Латвии, Литве, на Украине, проголосовали за независимость республик, в которых они жили. Но их права стали предметом разногласий между этими республиками и правительством Российской Федерации. В экономике Эстонии А. А. усматривал вызванные этими разногласиями и ее независимым существованием трудности. В советской Эстонии летом отдыхало много ленинградцев. Объявление самостоятельности воспрепятствовало этому, и 90 % эстонских курортов пустуют, отмечал А. А., сам многолетний завсегдатай Усть-Нарвы. С помощью иностранных займов и инвестиций Эстонии удавалось сохранить экономический баланс, однако это происходило при драматическом падении общего национального продукта и значительном увеличении безработицы, особенно в населенных русскими районах с более развитой промышленностью. В Нарве со стотысячным населением потеряло, по его сведениям, работу десять тысяч человек. А. А. видел причины внутривнутриполитических трудностей в независимой Эстонии и ее неминуемого конфликта с Россией в том, что по новым эстонским законам лица, не знавшие эстонского языка (это относилось в первую очередь к многочисленным переселенцам в Эстонию после войны), не получали прав гражданства. Он ссылаясь на то, что ельцинская администрация испытывает сильное давление в поддержку компатриотов со стороны русских национально-патриотических сил. К этому следует добавить, что в 1994 г., по всей вероятности, еще не получили известности решительные шаги Ельцина, предпринятые им во имя независимости прибалтийских республик в 1990 г., а во второй половине 1990-х и в 2000-х гг. оправившаяся экономически Эстония вела себя по отношению к России без особенной учтивости⁶.

Исторический момент, который отражал в своем докладе А. А., характеризовался конфликтами в бывших союзных республиках вокруг их русского населения, а также между ними самими. Идентичным эстонскому он считал молдавский сценарий. Однако до таких трагических событий, как в Молдавии, в Эстонии дело не дошло. Сбылось его тревожное предсказание и о том, что «наиболее опасно развитие военных действий в Чечне, которое серьезно угрожает общественной устойчивости в России»⁷. Нельзя не отметить реалистического подхода А. А. к использованию национального вопроса в республиках распавшегося Союза зарубежными странами в своих интересах. Он имел в виду не США, как это стало общепринятым, а Турцию, Румынию и Иран.

⁶ См.: Ганелин Р. Ш. Почему прекратились мои занятия эстонской историей // Ганелин Р. Ш. В России двадцатого века. Статьи разных лет. М., 2014. С. 818–824.

⁷ Fursenko A. A. Dreams and Realities of Present-Day Russia. P. 16.

«Российская Федерация — конгломерат наций, и мир внутри и на ее границах — необходимое условие самого ее существования. Добиться мира — это, вероятно, наиболее трудная и решающе важная проблема сегодняшней России». Эти слова А. А. приобрели еще большее значение двадцать лет спустя.

«Однако, — продолжает он, — перед Россией стоят и другие проблемы. Стоит задуматься о том, какие из них раннего происхождения, а какие появились только после распада Советского Союза. Я думаю, что нынешние проблемы уходят своими корнями в старую советскую систему и даже в дореволюционную российскую действительность. Кризис в России имеет многостороннюю природу. Одна из его сторон — экономическая несостоятельность. Важнейшее свидетельство критического состояния экономики — драматическое падение ее показателей». Исползованные А. А. работы показывали падение российского общего национального продукта между 1989 и 1993 гг. более чем вдвое против 20 % в Польше или Венгрии и 40 % в Словакии, Болгарии и Румынии. В течение первых трех месяцев 1994 г. он констатировал беспрецедентное для всего периода реформ падение промышленного производства на 25 %. Самые оптимистические сценарии выхода из кризиса предусматривали для этого от двух до пяти лет.

А. А. предпринял попытку аналитической оценки сложившейся в стране экономической ситуации. «Одной из самых сложных сегодняшних российских проблем» он считал «решительную реструктуризацию обрабатывающей промышленности». Несколько десятилетий гонки вооружений привели к тому, что в распоряжении военных предприятий оказалась главная часть государственных доходов, редких металлов, самых светлых умов и рабочей силы. Не менее трех четвертей населения С.-Петербурга, Москвы, Екатеринбурга и других промышленных центров работало на снаряжение крупнейшей армии мира. В течение нескольких предшествовавших лет, отмечал он, неоднократно делались заявления о переходе военных заводов к выпуску потребительских товаров. Некоторые из них были закрыты, только немногие приблизились к действительной конверсии. Несмотря на это, военные заводы продолжали добиваться правительственной поддержки, и иногда им удавалось получить ее в Государственном банке. А. А. усматривал в этом российскую традицию столетней давности, связанную с государственным кредитованием безнадежных предприятий тяжелой промышленности, прикрывавшимся царским министром финансов С. Ю. Витте, которого А. А. представлял как наиболее значительного из числа государственных деятелей дореволюционной России.

Наряду с «обвалом» военного производства причину кризиса он видел в прекращении кооперации с бывшими союзными республиками, которые снабжали Россию (имелась в виду РСФСР) сырьем, инструментарием и получали от нее машины и другие товары. Еще одну причину происходившего в области экономики А. А. видел в хаосе в банковском деле и финансовой системе в целом. «Нормальное функционирование финансовой системы — основа лю-

бой успешной рыночной экономики. Но в России оно далеко от нормально-го, — считал А. А. — В стране создано 30 000 частных и получастных (выразительный термин, примененный автором. — *Р.Г.*) коммерческих банков и бирж. Они действуют бок о бок с Государственным Центральным банком. Но нет ни новой денежной системы, ни регулируемого валютного курса рубля. Самая опасная черта нынешнего финансового кризиса — галопирующая инфляция. В близком будущем она может превратиться, по мнению экспертов, в гиперинфляцию. В феврале 1992 г. американский доллар можно было обменять на 120 руб., в 1993 г. — на 700, в феврале 1994 — на 1700. В середине 1994 валютный курс был около 2000 руб. за доллар, а в феврале 1995 г. — 5000 руб.»⁸.

А. А. предвидел «в близком будущем массовую безработицу, которая могла, в свою очередь, угрожать демократическим реформам в стране». Согласно расчетам, которыми он пользовался, в обозримом будущем инфляция, включая скрытую, могла достичь 10–20 %, составляя по официальным данным 1 %, а по оценке Международной организации труда — 6–8 %. Хотя предвидение А. А. относительно безработицы оказалось далеким от полного осуществления, причины сохранения занятости были тоже неутешительны и заключались в низком уровне производительности труда и недостаточной эффективности производства в целом.

Что касается добычи и экспорта нефти и газа, то А. А. вопреки мнению ведущих российских экономистов не видел в этом опору для экономики России ввиду падения добычи нефти с 1991 г. примерно на две трети. Он не считал ее надежным источником твердой валюты для казны не только по этой причине, но и потому, что нефтяная промышленность постепенно становилась независимой от государственного контроля. Это относилось не только к новым корпорациям, таким как «Тюмень-нефть» и «Газпром», но и к сотням (!) частных компаний, покупавших правительственные лицензии на экспорт нефти. Механизм дела, в изложении А. А., состоял в том, что эти компании главную часть своей нефти продавали за границу странам Балтии или через их посредство, а выручку инвестировали в зарубежные банки или компании. По российским сведениям, только 25 % доходов от нефтяного экспорта поступали в Россию, налогообложение остальных нефтяных доходов было для России невозможно. Нефтяные доходы шли на оплату импорта продовольствия. Его производство внутри страны А. А. считал задачей, важной для «политического положения в стране и самой судьбы русской нации»⁹.

Опираясь на источники, которые представлялись ему надежными, А. А. считал, не скрывая своего к этому отношения, что Россия ежемесячно теряла от 1,5 до 9 млрд долларов, нелегально или полунелегально оказывавшихся за границей в то время, когда правительство настойчиво добивалось

⁸ Ibid. P. 17.

⁹ А. А. Фурсенко отмечал падение сбора зерновых с 99 млн тонн в 1993 г. до 90–95 — в 1994 г. и подчеркивал необходимость продолжения зарубежной продовольственной помощи, которая предотвращала голод.

предоставления России Международным валютным фондом 1,5 млрд долларов для стабилизации ее финансовой системы. Ссылка А. А. на полуполегалность означала указание на несовершенство российского законодательства. А. А. считал отсутствие мер для привлечения капитала в российскую экономику и его защиты одной из причин сложившейся ситуации. Другой причиной был политический строй новой российской государственности, не вызывавший у инвесторов доверия.

Экономический кризис вел к растущему несоответствию между заработками и ценами. В течение предшествовавших докладу А. А. двух лет заработная плата увеличилась в 109, а товарные цены — в 245 раз. Официальная статистика показывала сокращение реальных доходов вдвое, а опросы — втрое. В апреле и мае 1994 г. средний месячный заработок в Петербурге составлял около 160 000 рублей, в промышленности города — 140 000, в науке — 120 000, в культуре и искусстве — 106 000, в администрации — 190 000, в банках — 350 000. Летом 1994 г. машинисты метро угрожали забастовкой, требуя 600 000 руб. в месяц, в то время как высшего уровня профессор университета или научный сотрудник Академии наук получал лишь половину этой суммы.

Одной из наиболее животрепещущих проблем в России, особенно в больших городах, А. А. считал «высокий уровень преступности». «По данным опросов, — писал он, — более трех четвертей жителей Петербурга не считают себя в безопасности от этого. Получили широкое распространение мафия и организованная преступность, при предшествовавшем режиме практически неизвестные». А. А. ссылался на происходившие в год его работы над докладом слушания в подкомиссии Конгресса США, возглавлявшейся сенатором Сэмом Нанном, которая признала организованную преступность в бывшем Советском Союзе «глобальной угрозой». Участвовавший в этих слушаниях первый заместитель российского министра внутренних дел генерал М. К. Егоров сообщил, что с 1990 до начала 1994 г. число организованных преступных групп увеличилось с 785 до 5691. Они возглавлялись 3 тысячами опытных преступников, 956 групп работали под крышей 155 уголовных союзов при отсутствии общероссийского центра ввиду борьбы между ними за сферы влияния. Общее число их активных членов составляло около 100 000. Старые и новые уголовники, представители теневого и подпольного бизнеса, все они вносили свой вклад в действия преступных групп.

Отчасти в связи с этим А. А. ставил вопрос о природе новой российской государственности. Принятая в 1993 г. конституция не представлялась ему действенной. Россия нуждалась, по его мнению, в «надежном правовом механизме, который давал бы конституционную защиту и гарантии всем сферам жизни, включая гражданские права, частную собственность и предпринимательство, а также иностранные инвестиции». «В настоящее время, — подчеркивал А. А., — ничего этого нет»¹⁰. Считая замену руководства страной

¹⁰ Fursenko A. A. Dreams and Realities of Present-Day Russia. P. 19–20.

Коммунистической партией установлением многопартийности «самым важным политическим достижением России», А. А. отмечал, однако, что «демократия России в хаосе», политические силы конфликтуют между собой даже в правительственной среде. Ельцина, не имевшего поддержки ни одной сильной политической партии, он уподоблял в этом смысле царю.

Перед президентом и его сторонниками он ставил вопрос, с какими социальными и политическими группами они себя связывают и какую политику выбирают, чтобы обеспечить выживание нации. «Уместно спросить, — заявлял А. А., — какого рода развития событий нам ждать? И, наконец, кто поведет страну: Ельцин, Жириновский, Зюганов или Гайдар?» Последующие рассуждения А. А. подтверждали, что его надежды были связаны с Гайдаром. Он видел реальную угрозу со стороны популистов во главе с Жириновским, сомкнувшихся с реакционными экстремистами, и считал, что и те и другие «используют экономические трудности России и политическую неустойчивость в стране в своих собственных интересах». Что касается Зюганова, то А. А. обращал внимание на участие «нескольких групп прежних коммунистов» в так называемом «Фронте национального спасения», где они вместе с националистами и монархистами «открыто призывают к свержению нынешнего правительства и провозглашают свое намерение изменить общественный строй». Рассматривая патриотизм как «консолидирующую силу» для «народной поддержки в преодолении экономических проблем и политического хаоса», он подчеркивал, что это возможно в том случае, если патриотизм будет использован сторонниками реформ и социал-демократических взглядов, а не сталинистами, брежневцами или последователями Жириновского.

Доклад был сделан А. А. Фурсенко и сейчас же издан в Кейптауне во время расцвета его творческой деятельности и уже поэтому не может быть определен как завещательное изложение автором своих взглядов. Нельзя, однако, не признать, что текст, к которому он более десяти лет до конца своей жизни не обращался, оказался и через двадцать лет исполненным оправдавшихся предвидений и предупреждений, существенных и поныне для участников международных конфликтов на разных сторонах. Воспроизведем те мысли, которые для А. А. представлялись итоговыми в его анализе тогдашней действительности и касались, в частности, российско-американских отношений. «Несколько слов о внешней политике России. Советский Союз прекратил свое существование, но Россия по-прежнему заинтересована в сохранении связей с прежними Советскими республиками либо в форме существующего Содружества, либо в какой-либо другой форме, например наподобие Европейского сообщества. Основы для старого Союза больше нет, но России нужна новая форма сотрудничества на базе взаимных интересов и согласия.

Во внешней политике России произошли радикальные перемены. Противоборство с Западом практически прекратилось. Россия перестала быть сверхдержавой. Нынешнее правительство России стремится к сотрудничеству с прежними соперниками. Новая российская военная доктрина

сосредоточена на обороне. Но я думаю, что было бы серьезной ошибкой не считать Россию великой державой при ее огромном экономическом потенциале, природных ресурсах, громадной и сильной армии. Я упоминаю об этом ввиду очевидных разногласий между Россией и Соединенными Штатами по поводу роли России в предложенном американцами Восточной Европе плане “Партнерство ради мира”. Я думаю, что роль России в мировой политике должна соответствовать сохранившемуся ее значению главного игрока во многих сферах. В противном случае мир может оказаться лицом к лицу с совершенно иной политической ситуацией в России: жаждут возрождения прежней имперской политики с одной стороны — Жириновский, а с другой — старые реакционные группы.

В заключение разрешите выразить надежду, что, отвечая требованиям современности, Россия в ее усилиях продолжить реформы добьется в обозримом будущем осуществления мечты своего народа о лучшей жизни, как и помыслов в других странах о мире во всем мире. При всех трудностях, теперь по сравнению с догорбачевской и даже горбачевской эрой существуют великие возможности. Пожалуй, никогда в своей истории Россия не пользовалась такой свободой.

После долгой темной ночи расправ и жестокого диктаторского режима мы пользуемся теперь свободой печати и слова. Всего несколько лет тому назад никто и представить себе не мог, что будут изданы романы писателей из черного списка и что их будут читать без опасения судебного преследования и тюремного заключения. Нет больше цензуры в литературе, театре, во всех видах искусства. Средства массовой информации дают публике сведения, прежде совершенно недоступные. Все это создало в России совершенно новую атмосферу, которая, как мне представляется, делает невозможным перевод часов назад и возвращение к прежнему деспотическому правлению. Россия может и впредь испытывать экономические трудности и политическую нестабильность, но ее народ никогда не вернется к прежнему тоталитарному режиму. С этим покончено».

Blair A. Ruble

Recollections of Alexander Fursenko

On a dark Moscow evening in 1987 with distinctively orange Soviet streetlights transforming a light swirling snow into an unnatural color, I sat in my room at the Academicheskaja Hotel trying to figure out what I would eat, the phone rang. An acquaintance on the other end of the line informed me that just hours before Alexander Fursenko had been elected a Corresponding Member of the Soviet Academy of Sciences. He probably still would be in Moscow and, if so, would be at the second building of the hotel across the way. After checking with the front desk, I was connected to Alexander's room. He was, needless to say, surprised to receive warm congratulations from me so quickly after his election. We would joke about the call for years ahead.

I first met Alexander while I was working as a young researcher at the Kennan Institute in the late 1970s. He had been one of the first Soviet scholars to be in residence at the Institute just months before I had begun working there after having completed my doctoral degree a few weeks before. Alexander remained a strong supporter of the Institute throughout his life, and visited from time to time whenever he would be in the US. We had met during one of those visits and had remained in touch. We shared a natural bond as I had conducted my dissertation research in Leningrad a few years before.

The 1980s were a difficult period to sustain professional contacts across the Cold War divide, and I can't say that Alexander and I were more than aware of one another. He enthusiastically lent support whenever he could to my effort to write a history of postwar Leningrad (which eventually appeared in 1990 under the title *Leningrad. Shaping a Soviet City*). We exchanged greetings — such as my 1987 congratulatory call — and we read one another's publications. Once *perestroika* blossomed, we began to correspond more regularly. When, in May 1989, I was appointed as Director of the Kennan Institute, Alexander became one of the first colleagues to congratulate me.

Beginning in September 1991, I became involved in a number of initiatives to try to integrate now-St. Petersburg academic life into the international social science community. I found myself meeting with Alexander on almost every trip to his city. These conversations helped me to appreciate how much both Russian and American social science and humanities research could be enriched by expanded contact with one another. Alexander had similar goals and we cooperated in these ventures.

Meanwhile, I found myself increasingly impressed with Alexander's expanding professional horizons. I began to realize how much the changes taking place in the late Soviet and early post-Soviet period liberated his mind and his writing. Around this time, I stumbled across a copy of his first book published in 1956 — *Struggle for Partition of China and the American Open Door Doctrine* — at a bookstall in New York's Union Square. The Alexander Fursenko who wrote that book had no visible connection to the lively intellect and assiduous archival research habits of the Alexander Fursenko whom I was coming to know. Such contrast raised so many different questions in my mind that I never felt fully comfortable asking. Did Alexander transform himself as he saw new research opportunities? Or, was the Alexander whom I knew always lurking within the author of *Struggle for Partition*? His magisterial 1967 *Dynasty of the Rockefellers* suggested the second but, as with so many enigmas of Soviet life, no one probably knew, least of all Alexander himself.

As Alexander's administrative responsibilities grew I admired his prodigious efforts to secure a sound future for Academy institutions, especially in St. Petersburg. He assumed these obligations at what was probably the most difficult moment in recent history and he deeply cared about protecting all whom he could protect. Simultaneously, he took every opportunity to steal away to the archives and make up for lost time in repositories that once had been closed to him. Alexander was a man on fire with new possibilities; with far greater energy than I had even though I was decades younger. Watching Alexander taught me a great deal about what it means to be responsible for an institution and for the human beings whose fates are linked to it; and about what it means to be a dedicated scholar. If, during the 1980s, Alexander was something of an interesting-though-detached Soviet colleague, by the 1990s he had become a role model.

Around this time I had gotten to know a young historian of the Cold War then working at the University of Hawaii, Manoa, Timothy Naftali. Tim, a Canadian-American, would move to the University of Virginia, eventually directing the Richard Nixon Presidential Library and Museum, and presently serving as the Director of the Tamiment Library and Robert F. Wagner Archives at New York University. Trained at Yale, Johns Hopkins, and Harvard, Tim had impeccable academic credentials. For me, however, he was more interesting for his time in his native Montreal where he once worked as an aide to one of the very few politicians I have ever admired as human being, Quebec Premier Robert Bourassa. Bourassa served during some of Quebec's and Canada's darkest days — including the infamous October Crisis of 1970 — and, as I would later discover when I encountered him while

he was teaching in Washington, always retained a rare humanity. Tim very much shared the core values that I appreciated in Bourassa.

Tim had begun working on a volume about the Cuban Missile Crisis and had earned a grant to work at the Kennan Institute in early 1996. By the time Tim arrived at the Institute he had begun collaborating with Alexander on what would become their 1997 classic co-authored work *“On Hell of a Gamble”*: *Khrushchev, Castro and Kennedy, 1958–1964*; which was followed in 2006 by their *Khrushchev’s Cold War: The Inside Story of an American Adversary*. No such successful outcome was assured at the project’s beginning. Tim and Alexander had different temperaments, had emerged from different intellectual traditions, had different initial assumptions about what the crisis was really about, and had collected archival documents which often directly contradicted on another.

Tim and Alexander separately raised the possibility of their working on the project together at the Kennan Institute. I immediately understood that we needed to make it happen so that these two increasingly important scholars would have an opportunity to collaborate productively. Eventually, I managed to clear away the usual administrative and bureaucratic underbrush and, for several exciting weeks in 1996, Tim and Alexander shared an office, shared their documents, and shared their commitment to serious disagreement based on evidence.

I made a point during these weeks to walk by during the course of each day to judge the temperature of the room as Tim and Alexander worked their way through their evidence. When I sensed that there might be more heat than light, I would enter and start a conversation about some or other trivial subject. Other times, I would take one or the other out for tea or coffee. I realized that their shared respect for each other, for their sources, and for the participants in the drama of the Missile Crisis was going to produce a landmark work; which, of course, it did.

This account elevates my role in the saga far too high for I was the student. First, I really didn’t know the story of the Crisis other than having been a scared teenager when it happened. Second, I learned from them about what dedication to scholarship really meant. Here were two scholars from societies and backgrounds that were far apart, with political views that did not align except in disagreement, who were struggling with linguistic and generational divides that few ever bother attempting to cross. They worked as hard as they did because both firmly believed that together they could generate greater knowledge and insight than either could have done on his own. They were not only correct in that belief, but they acted on it at no small cost to everything else that they did.

Now, when I hear that it is impossible for Russian and American scholars to work together or learn from one another — or for Russians and Americans more generally to have any reason to even bother with one another — I think back to the small scholar office in downtown Washington, where Alexander and Tim disproved nearly every conventional belief about Russian-American relations simply by their stubborn mutual refusal to accept what everyone else told them to be true.

I remained in touch with Alexander ever after, though we both were often too busy to spend the time we would have wanted. We enjoyed evenings with mutual friends in Washington and in St. Petersburg; we even watched a lunar eclipse together on the front steps of a senior American official's home in a Virginia suburb. But life began to pull us in different directions.

Throughout my time knowing Alexander, I came to greatly admire his scholarship, and his dedication to the cause of knowledge. I came to understand the depth to which glib Cold War era characterizations of colleagues "on the other side" were misguided. Alexander, for his part, never missed an opportunity to support what I was trying to accomplish at the Kennan Institute.

Returning to New York's Union Square for a moment, when I found Alexander's *Struggle for Partition* at a book stall next to a subway exit, the volume had been tossed onto a shelf labeled "propaganda in various languages". Such classification of Alexander's first book was not misplaced. The story of Alexander and his scholarship, though, is that all of us who think we are engaged in serious intellectual enterprises must continue to learn and to grow. Compare Alexander's early works with his later publications and the lesson is clear. I greatly admire the extent to which Alexander learned and grew every day and value the opportunity to have experienced his doing so. His life and career offer a lesson for us all.

История США: взгляд из России

Ю. Г. Акимов

Изоляционизм и интервенционизм колониального периода : отношения Новой Англии с французской Акадией в 30-е — первой половине 40-х гг. XVII в.

Первые английские поселенцы, обосновавшиеся в 1620–1630-е гг. на территории Новой Англии, столкнулись со множеством вызовов самого различного свойства, на которые им приходилось искать и находить собственные ответы, оказавшие в дальнейшем большое влияние на формирование американской политической традиции и культуры. Один из таких вызовов был обусловлен отношениями с колониями других европейских государств. Ближайшим «иностранном» соседом Новой Англии была небольшая французская колония Акадия, располагавшаяся на полуострове Новая Шотландия и прилегающих к нему территориях. В первые годы после основания поселений на побережье залива Массачусетс и в прилегающих к нему районах их жители практически не сталкивались с французами из Акадии, будучи отделенными от них обширной «буферной зоной», заселенной индейцами. Эта «буферная зона» занимала северо-восточную часть современного штата Мэн и юг провинции Нью-Брансуик. Предпринятая в 1607 г. Плимутской компанией попытка основать в этих местах поселение закончилась неудачей; так называемая колония Пофэма в устье р. Сагадахок просуществовала всего около года.

Однако с формально-юридической точки зрения эти земли входили в состав нескольких английских и французских колониальных пожалований и соответственно рассматривались Лондоном и Парижем как часть их заморских владений. Более того, англичане считали «своей» всю территорию Атлантического

побережья Канады, от реки Сент-Круа до залива Св. Лаврентия. В 1621 г. эта территория была пожалована сэру Уильяму Александру под латинским названием *Nova Scotia* (Новая Шотландия). При этом английские власти проигнорировали тот факт, что эти земли в 1603 г. были объявлены французской колонией и некоторое время там существовали французские поселения. В 1628 г. людям Александра удалось закрепиться в районе современного города Аннаполис-Ройял, на месте, где в 1605–1607 и 1610–1613 гг. существовал французский форт Пор-Руайяль. Дальнейшему осуществлению замыслов Александра по созданию шотландской колонии помешала «большая» европейская политика. В 1632 г. между Англией и Францией был заключен договор в Сен-Жермен-ан-Лэ, который предусматривал возвращение французам «всех земель, занятых англичанами в Новой Франции, Акадии и Канаде» во время «Гугенотской войны» 1627–1629 гг.¹ По распоряжению Карла I шотландская колония была эвакуирована, и французы восстановили контроль над Акадией. Несмотря на это, сэры Уильям Александр и его наследники продолжали считать себя собственниками Новой Шотландии, в чем их поддерживали английские власти².

Такая на первый взгляд противоречивая ситуация была достаточно характерна для колониальной Америки того времени, которая рассматривалась европейцами как особая в международно-правовом плане сфера, где не в полной мере действовали европейские нормы. Этот подход, основанный на так называемой «доктрине двух сфер», преобладал в конце XVI и в первые десятилетия XVII в. еще не был полностью изжит³. Естественно, что в этой ситуации никакой официально признанной границы между английскими и французскими владениями в Северной Америке не существовало, хотя вопрос об ее установлении впервые был поднят еще в середине 1610-х г. На практике же сложилась ситуация, когда обе стороны *de facto* признавали существование колоний друг друга в тех пределах, в которых существовали постоянные поселения и форты; но относительно «буферных зон» такого взаимопонимания не существовало.

В 1633 г., в момент возвращения Акадии французам, их самое близкое к Новой Англии поселение на Атлантическом побережье находилось в устье реки Сент-Джон (Сен-Жан), где обосновался Шарль де Сент-Этьен де Ля Тур — торговец пушниной и авантюрист, который во второй половине 1620-х гг. сотрудничал с Александром и его людьми. При этом французские колониальные власти считали границей Акадии реку Кеннебек. В свою очередь, с конца 1620-х гг. побережье современного штата Мэн от устья Кеннебека до устья р. Мачайас стало привлекать плимутских купцов, среди кото-

¹ *Dumont J., baron de Carelscroon. Corps universel diplomatique du droit des gens... Amsterdam-La Haye, 1728. T. VI. P. 31.*

² См.: *Brebner J. B. New England's Outpost: Acadia before the Conquest of Canada. N.Y., 1927. P. 26–27.*

³ См.: Акимов Ю. Г. Доктрина двух сфер и международно-правовой статус колониальной экспансии европейцев (вторая половина XVI — начало XVII в.) // Вестник СПбУ. 2004. Сер. 6. Вып. 3. С. 126–131.

рых наибольшую активность проявлял «первый американский бизнесмен» Айзек Эллертон⁴. В 1628 г. его стараниями Совет Новой Англии официально выделил Плимуту небольшой участок в устье Кеннебека. В следующем году там были построены две плимутские фактории, одна неподалеку от современной Огасты; другая, принадлежавшая лично Эллертону, в районе современного городка Кастейн. Затем плимутский торговый пост появился в устье реки Пенобскот, где в 1625 г. уже пытались обосноваться французы, а сам Эллертон построил себе второй «торговый вигвам» еще севернее — в устье небольшой речки Мачайас, в районе современного Ист-Мачайаса⁵.

Однако период процветания плимутской пушной торговли был недолгим. В 1633 г. Ля Тур со своими людьми напал на факторию Эллертона на Мачайасе, захватил находившиеся там товары, уничтожил все постройки и взял в плен служащих. При этом несколько человек погибло в стычке с французами. После этого Ля Тур атаковал плимутскую факторию на Пенобскоте, но там дело ограничилось грабежом⁶. Через некоторое время Эллертон лично явился к Ля Туру и потребовал объяснений и возмещения причиненного ущерба. Тот заявил в ответ, что англичане не имеют никаких прав на территории, расположенные к востоку от Кеннебека, и отказал в какой-либо компенсации⁷.

На Пенобскоте плимутцы продолжали торговать еще несколько лет — до тех пор, пока на это не обратил внимания командор Изаг де Разийи, управлявший в то время Акадией. Официально он был верховным наместником всех французских владений в Северной Америке. В августе 1635 г. Разийи отправил в устье Пенобскота вооруженное судно под командованием своего помощника Шарля д'Ольнэ. Именем короля Франции д'Ольнэ захватил факторию, служащие которой не оказали сопротивления. По словам Брэдфорда, нападавшие «угрозами и посулами» заставили продать им все имевшиеся там товары по цене, которую они сами назначали. Когда начальник фактории Томас Уиллет заговорил о стоимости строений, д'Ольнэ заявил, что они находятся на земле, которая не принадлежит англичанам, и о плате за них не может быть и речи. Он позволил англичанам погрузиться в шлюпку и вернуться в Плимут и даже пообещал Уиллету заплатить за то имущество, которое его люди не могли увезти с собой⁸.

⁴ Слезкин Л. Ю. У истоков американской истории. Виргиния, Новый Плимут, 1606–1642. М., 1978. С. 281.

⁵ См.: Palfrey J. G. History of New England during the Stuart Dynasty. Boston, 1858. Vol. I. P. 337; Hubbard W. A General History of New England: From the Discovery to MDCLXXX. Boston, 1848. P. 163.

⁶ Bradford's History of Plymouth Plantation, 1606–1646 / Ed. by W. T. Davis. N.Y., 1908. P. 292. См. также: Narrative and Critical History of America / Ed. by J. Winsor. Boston; N.Y., 1882–1884. Vol. IV. P. 143.

⁷ См.: Le Jeune L.-M. Dictionnaire générale de biographie, histoire, littérature, agriculture, commerce, industrie et des arts, siénces, mœurs, coutumes, institutions politiques et religieuses du Canada. Ottawa, 1932. T. 2. P. 95.

⁸ Bradford's History. P. 318.

Власти Плимута решили отбить факторию и наняли для этой операции некоего капитана Гёрлинга, владельца 300-тонного судна «Хоуп». В случае успеха ему и его людям было обещано 700 фунтов бобровых шкурок. Гёрлингу поручили изгнать французов из захваченной ими фактории, стараясь при этом избегать кровопролития; в случае если они сразу сдадутся, он должен был отдать им «справедливую часть» товаров и имущества. Вместе с Гёрлингом в поход отправился «капитан» колонии Майлз Стэндиш с отрядом из 20 бойцов колониальной милиции, имевших в своем распоряжении небольшое судно⁹. По выражению Б. Бейлина, экспедиция плимутцев носила «опереточный» характер¹⁰. Несмотря на то что в фактории на Пенобскоте находилось всего 18 французов, нападавшие побоялись идти на штурм¹¹.

Согласно Брэдфорду, Гёрлинг, не посоветовавшись со Стэндишем, ограничился обстрелом фактории с дальней дистанции, не причинившим противнику никакого вреда. Истратив все имевшиеся у него запасы пороха и не имея возможности их пополнить, он бесславно вернулся в Плимут. После этого плимутцы решили обратиться за помощью к пуританам Массачусетса. В начале осени 1635 г. в Бостон было направлено официальное письмо с просьбой оказать Плимуту помощь людьми, оружием и денежными средствами. В письме говорилось об опасности, исходящей от французов, которые укрепляли свои позиции на границах английских владений и могли стать «плохими соседями для англичан»¹². Массачусетс занял двойственную позицию. На словах было высказано «единодушное желание» помочь соседям «в исполнении их замысла касательно французов»¹³.

Плимутцев попросили прислать в Бостон своих представителей, имеющих официальные полномочия, для заключения соответствующего соглашения. Брэдфорд направил в столицу Массачусетса двух своих людей, снабдив их всеми необходимыми бумагами. Однако руководители пуританской колонии заявили, что они испытывали серьезные финансовые трудности, не имели необходимых боеприпасов и продовольствия и поэтому могли помочь плимутцам только в том случае, если те возьмут на себя все расходы. В итоге переговоры закончилось ничем. Брэдфорд раздраженно писал, что Массачусетс не только не помог Плимуту в его противостоянии с французами, но, наоборот, оказывал им поддержку. Некоторые бостонские торговцы снабжали французов провизией, порохом и свинцом «до тех пор, пока они видели в этом возможность для получения выгоды», и даже сообщали им обо всем, что происходило в английских колониях. При этом Брэдфорд

⁹ Ibid. P. 319.

¹⁰ *Bailyn B.* The New England merchants in the Seventeenth century. Cambridge-London, 1979. P. 25

¹¹ См.: Narrative and Critical History of America. Vol. IV. P. 144.

¹² Bradford's History. P. 319–320.

¹³ Цит. по: *Rawlyk G.A.* Nova Scotia's Massachusetts. A Study of Massachusetts–Nova Scotia Relations: 1603 to 1781. Montreal-London, 1973. P. 5.

считал, что французы «все больше и больше насаждают на англичан», а кроме того, они сбывали оружие и боеприпасы индейцам, что представляло «большую опасность для англичан»¹⁴.

Л. Ю. Слезкин, упоминая об англо-французских столкновениях на Пенобскоте, высказал мнение, что Брэдфорд «затаил на массачусетцев обиду» и поэтому «сгущал краски», обвиняя их в продаже французам оружия¹⁵. Однако бостонские торговцы Эдвард Гиббонс и Томас Хокинс действительно торговали с Ля Туром, а некоторые английские купцы и судовладельцы сбывали ружья, порох и свинец индейцам этого региона в обмен на меха¹⁶. Другое дело, что Брэдфорд явно преувеличивал степень угрозы, исходившей от французов. Во всей Акадии в то время их было не более 350 человек, по большей части временных работников и солдат, а в фортах и факториях на границе с Новой Англией — несколько десятков. Что касается позиции, занятой властями Массачусетса, то здесь можно согласиться со Слезкиным, который полагал, что она объяснялась, во-первых, разногласиями и конкуренцией двух английских колоний, а во-вторых, тем, что бостонцам было выгоднее иметь соседями не соотечественников, а иностранцев, которых впоследствии можно было бы «на законном основании» изгнать с занятой ими территории¹⁷.

Если официальный Лондон в тот период не придавал колонизации Новой Англии антифранцузскую направленность, то его подданные рассуждали несколько иначе. В 1620 г., говоря о необходимости освоения этих территорий, сэр Фердинандо Горджес писал, что если «наши люди покинут колонии... французы немедленно воспользуются возможностью, чтобы поселиться в пределах наших границ»¹⁸. Среди знаменитых «Доводов в пользу колонизации Новой Англии» (1628) на первом месте стояло утверждение о необходимости создания в Северной Америке протестантского «оплота против Царства Антихриста, которое иезуиты стремятся возвести повсюду в мире»¹⁹. Под определение «Царство Антихриста» вполне подходила французская колония в Канаде — ближайшее к Новой Англии место, где господствовал католицизм и где очень активную роль играли иезуиты. Практически с момента основания «Града на холме» его власти относились к французам весьма настороженно. В 1633 г., когда стало известно о том, что после подписания договора в Сен-Жермен-ан-Лэ французы снова водворились в Акадии, губернатор «созвал в Бостоне своих помощников, священников,

¹⁴ Bradford's History. P. 320–322.

¹⁵ Слезкин Л. Ю. У истоков американской истории. Виргиния, Новый Плимут. С. 295.

¹⁶ См., напр.: Reid J. G. Acadia, Maine and New Scotland. Marginal Colonies in the Seventeenth Century. Toronto- Buffalo-London, 1981. P. 95.

¹⁷ См.: Слезкин Л. Ю. У истоков американской истории. Виргиния, Новый Плимут. С. 295.

¹⁸ A Brief Relation of the Discovery and Plantation of New England, 1620. Printed in London by John Haviland in 1622: <<http://www.wellswooster.com/tommies/abrief.htm>>. Дата обращения 20.08.2014

¹⁹ См.: Consideration for the Plantation in New England // Hutchinson Papers / Ed. by W. H. Whitmore and W. S. Appleton. Albany, 1856. Vol. 1. P. 27.

капитанов и некоторых других влиятельных людей, чтобы посоветоваться что следует сделать для <...> безопасности, учитывая, что французы, будучи папистами, вполне могут оказаться плохими соседями»²⁰. Впрочем, единственное, что власти колонии в тот момент решили предпринять, — это построить форт в Нантакете, чтобы защитить вход в Бостонскую гавань, ускорить строительство городских укреплений в самом Бостоне, а также начать заселение земель в районе Ипсуича, чтобы «какой-нибудь враг, найдя их пустыми, не присвоил их и не забрал их у нас»²¹.

Вместе с тем в первой половине 1630-х гг. находившаяся еще в процессе становления колония Массачусетского залива стремилась избегать конфликтов с французами. Английские поселенцы еще сами чувствовали себя не слишком уверенно, плохо представляли себе реальные силы и возможности противника, не проявляли интереса к эксплуатации пушных и рыбных ресурсов пограничных областей. В этой ситуации на несколько последующих лет в отношениях между Новой Англией и Акадией наступило затишье. В конце 1635 г. умер командор Разийи, и французская колония оказалась разделенной между тремя правителями — Ля Туром, д'Ольнэ и Николя Дёни, которые сначала просто конкурировали друг с другом, а затем между первым и вторым началась настоящая война. В то же время все трое были заинтересованы в поддержании мира на внешних границах, поскольку все в той или иной мере были втянуты в торговлю с англичанами.

В 1636 г. д'Ольнэ, который помимо прочего контролировал отбитую им факторию на Пенобскоте, старался установить контакты с англичанами из Бостона и близлежащих фортов. Э. Шёрт, комендант форта Пемакид, писал Дж. Уинтропу, что его посетил некий монах-францисканец, уверявший, что д'Ольнэ желает только «честных отношений между нами»²². Сам д'Ольнэ отправил Уинтропу письмо, где заявлял, что французы претендуют только на территорию до Кеннебека, и высказывался в том смысле, что он не уполномочен решать пограничные вопросы, но что если у англичан есть по этому поводу претензии — английский посол во Франции может предъявить их кардиналу Ришелье²³. В Бостоне к его демаршам отнеслись весьма настроенно, но пока решили ничего не предпринимать.

К началу 1640-х гг. и в Массачусетсе, и в Акадии ситуация резко изменилась. В результате «великого исхода» пуритан из Англии население Бостона и его окрестностей значительно возросло. Это стимулировало развитие новых отраслей колониальной экономики, в частности рыболовства и пушного промысла. Буквально за несколько лет в Массачусетсе во много раз увеличилось число рыболовных и торговых судов. Основной промысловой зоной для рыбаков и скупщиков пушнины из Новой Англии являлись как раз

²⁰ Winthrop's Journal History of New England / Ed. by J. K. Hosmer. N.Y., 1908. Vol. 1. P. 97.

²¹ Цит по: Rawlyk G. A. Nova Scotia's Massachusetts. P. 3.

²² Winthrop Papers. Boston, 1943. Vol. III. P. 277.

²³ Winthrop's Journal. Vol. 1. P. 201.

«буферная зона» и собственно побережье Акадии. Рыбаков привлекала цепочка отмелей (банок), расположенная вдоль восточного побережья Нью-Брансуика и Новой Шотландии, где в изобилии водилась треска. На самом побережье имелось множество удобных гаваней, где можно было заниматься сушкой и засолкой выловленной рыбы. Торговцы стремились получить бобровые шкурки, основными поставщиками которых являлись индейцы, обитавшие в Акадии и поблизости от нее. В результате масштабы проникновения английских колонистов на территории, считавшиеся французскими владениями, резко возросли; соответственно увеличилась степень заинтересованности Массачусетса в экспансии в «Восточные края» (*Eastern Parts*, как их называли в Новой Англии).

Акадия в 1638 г. была официально разделена на две части, управлявшиеся соответственно Ля Туром и д'Ольнэ. Соперничество между ними после этого не прекратилось, а, наоборот, стало принимать все более ожесточенный характер. В 1639–1640 гг. дело дошло до вооруженных стычек, в ходе которых погибло несколько человек. В 1641 г. д'Ольнэ добился от французских властей аннулирования полномочий Ля Тура, которому было предписано прибыть во Францию для дальнейших разбирательств. Ля Тур не подчинился этому решению и остался в Акадии. В следующем году Париж отдал приказ об его аресте, а д'Ольнэ было поручено его исполнить. Оказавшись в весьма затруднительном положении, Ля Тур решил обратиться за помощью к Новой Англии, с которой он давно поддерживал взаимовыгодные контакты. Прожив в Акадии более 20 лет, Ля Тур хорошо знал, что эта крошечная колония мало интересовала чиновников метрополии. Главным для него было сокрушить своего противника, а уже потом он надеялся представить свои действия в нужном свете. В 1641 г. Ля Тур направил в Бостон своего ля-рошельского компаньона Николя Гарго де Ля Рошетта с предложением заключить договор о взаимной беспошлинной торговле, а также провести совместную операцию по захвату контролируемой д'Ольнэ фактории на Пеннобскоте. Власти Массачусетса с интересом выслушали посланца Ля Тура и заявили, что они не против торгового договора, однако не желают связывать себя какими-либо обязательствами военно-политического характера²⁴.

На следующий год Ля Тур снова попытался заручиться поддержкой со стороны Новой Англии. В октябре 1642 г. Джон Уинтроп сделал такую запись в своем «Журнале»: «Сюда прибыло французское судно с 14 людьми, один из которых — лейтенант Ля Тура. Они привезли письма от Ля Тура к губернатору, полные комплиментов, где выражается желание получить от нас помощь против господина д'Ольнэ. Они пробыли здесь около недели и были очень любезно приняты, и хотя они являются папистами, они ходили на наши церковные собрания и вышеназванный лейтенант, казалось, был сильно впечатлен тем, что он увидел, и признал, что нигде не сталкивался

²⁴ Ibid. Vol. 2. P. 43.

с таким прекрасным порядком. Один из старейшин дал ему французский Новый Завет с комментариями Марлорá, который он с благодарностью принял и обещал прочесть»²⁵. По мнению Г. Ланкто, этим «лейтенантом» был Жак де Мюрá, съёр де Лестан — компаньон Ля Тура и его «правая рука»²⁶. Однако власти Новой Англии и на сей раз решили не вмешиваться в конфликт, происходивший в Акадии, и ответили вежливым отказом.

Впрочем, пребывание Лестана и его людей в Бостоне принесло определенную пользу Ля Туру. Они сумели продать привезенные ими меха и закупить товары, жизненно необходимые их патрону, в том числе оружие и боеприпасы. Вместе с ними в форт Ля Тура на реке Сент-Джон отправилось торговое судно из Массачусетса, которое было встречено там «с большой радостью». На обратном пути возле Пемакида это судно было задержано д'Ольнэ, который передал его капитану копию королевского указа об аресте Ля Тура и просил передать ее властям Массачусетса вместе с предупреждением, что впредь он будет задерживать все направляющиеся к тому кораблю и конфисковать их грузы²⁷.

В Бостоне отношение к ситуации, сложившейся в Акадии, было двояким. С одной стороны, происходившие там события были объективно выгодны тем купцам и промысловикам, которые были заинтересованы в эксплуатации акадийских ресурсов, а пока Ля Тур и д'Ольнэ были поглощены борьбой между собой, у них было меньше возможностей противодействовать проникновению англичан во французские владения. С другой стороны, некоторые представители массачусетской элиты опасались того, что события в Акадии могут принять невыгодный для англичан оборот и привести к возникновению для них новых угроз. В связи с этим показательно письмо Джона Эндикотта Джону Уинтропу, в котором говорилось: «я рад, что Ля Тур не получил помощи от нас, и надеюсь, что он и в дальнейшем не получит кораблей. Пока Ля Тур и д'Ольнэ противостоят друг другу, они взаимно ослабляют друг друга. Если Ля Тур одержит верх, мы, без сомнений, получим плохого соседа. Его отец и он, насколько я знаю, пролили кровь нескольких англичан и захватили судно и товары м-ра Эллертонá». И далее: «...за границей не является хорошим тоном позволять иностранцам рассматривать форты или укрепления, чем, скорее всего, и занимались эти французы. Я должен сказать, что опасуюсь того, что у нас будут сложности с этими французскими идолопоклонниками»²⁸.

Как мы увидим в дальнейшем, в отношении Ля Тура Эндикотт оказался прав. В целом же Массачусетс пока предпочитал не вмешиваться в события, происходившие в Акадии, но при этом внимательно следил за их развитием.

²⁵ Ibid. P. 84. Имеется в виду Огюстен Марлорá дю Паскье (1506–1562) — видный деятель реформации во Франции, прославившийся своими комментариями к Библии.

²⁶ *Lanctot G. A History of Canada.* Cambridge (MA), 1963. Vol. 1. P. 285.

²⁷ Winthrop's Journal. Vol. 2. P. 88.

²⁸ Winthrop Papers. Boston, 1944. Vol. IV. P. 394–395.